

The background of the cover is a soft, misty landscape. In the center, a white classical building with a pediment and columns sits atop a hill, partially obscured by trees. The scene is reflected in a body of water below, creating a dreamlike atmosphere. The overall color palette is light and ethereal, dominated by blues, greys, and whites.

ГЕННАДИЙ
ДОРОНИН

ОСТРОВ

РОМАН
ПУТЕШЕСТВИЙ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Геннадий Доронин

**Остров. Роман путешествий
и приключений**

«Алгоритм»

2012

Доронин Г. Н.

Остров. Роман путешествий и приключений / Г. Н. Доронин — «Алгоритм», 2012

«Остров» – роман путешествий и приключений. Действие его происходит в воздухе, на воде, даже в космосе. На страницах книги читатель встретит называвших себя царицами Марину Мнишек и Устинью Кузнецову, – разделенных веками и таких непохожих, но чьи судьбы связал Яик. Среди героев романа – Александр Сергеевич Пушкин, Григорий Карелин, Никита Савичев и другие известные персоны. Пожалуй, «Остров» можно бы назвать путевым романом, ведь почти все его герои находятся в пути, в поиске. Они ищут таинственную землю, где всем живется счастливо и вольготно. Чудаки, разве есть такая земля? Нелегко разыскать Беловодское царство, но ведут к цели вера, надежда, любовь, – самые точные на Земле приборы.

© Доронин Г. Н., 2012

© Алгоритм, 2012

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	18
Глава четвертая	21
Глава пятая	33
Глава шестая	37
Глава седьмая	48
Глава восьмая	55
Глава девятая	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Г.Н. Доронин

Остров. Роман путешествий и приключений

Глава первая Лизавета

*Раз, два, три, четыре, пять,
Будем в прятки мы играть.
Небо, звезды, луг, цветы —
Ты пойд-ка поводи!*

1 —7; 1–1; 2–4; 2–5; 1 —25...

Утром в клетке сдох кенар, желтый, как лимон. Лизавета как раз читала ему из «Веселой науки»: «Мы устроили себе мир, в котором можем жить, — предпослав ему тела, линии, поверхности, причины и следствия, движения и покой, форму и содержание: без догматов веры никто не смог бы прожить и мгновенья! Но тем самым догматы эти еще отнюдь не доказаны. Жизнь вовсе не аргумент; в числе условий жизни могло бы оказаться и заблуждение...»

«Как прекрасно заблуждаться! — думала она. — По сути дела, заблуждения — это фантазии, никогда не сбывающиеся мечты...»

Кенар свалился с жердочки, как старый канатоходец, распустил крылья, но они уже не помогли — он упал, вытянув скрюченные лапки, и сразу стало ясно — больше он не сплет, не нащелкает тоскливых невольничьих ноток.

Лизавета ахнула, книга выпала из рук.

— Зачем? — выговорила она, неизвестно к кому обращаясь. Впрочем, она догадывалась, что хоть один слушатель у нее есть. Холодный и размеренный стук его сердца она иногда явственно различала в механическом ритме старых часов.

Никто не ответил.

— Ну зачем? — повторила она, не в силах оторвать взгляда от мертвой птички.

— Разве он мешал хоть кому-то?..

Она поразились глупости своего восклицания: если бы кенар даже и мешал, то разве согласилась бы она покарать его смертью?

Она нажала на зеленую кнопку, и коляска медленно покатила к окну — мимо клетки с мертвым кенаром, желтым, как пустыня.

Лизавета давно уговорила себя, что все вопросы лишены смысла. Нечего и пытаться получать на них ответы. Но так иногда хотелось хоть что-то понять, объяснить самой себе.

На подоконнике в пузатом горшке жил угрюмый кактус, вылитый динозавр. Поселился он там с незапамятных времен, был немногословен, колюч, гордился своим героическим прошлым, когда был призван служить в контрразведке, оповещая секретных агентов об опасности одним своим появлением в окне. Ему полагалась за это медаль, а может быть, и орден, но награда где-то задержалась, он терпеливо ждал, прислушивался к радио: ищут ли, находят ли героев?

Кактус не любил кенара; желтогрудый певец как будто специально старался разрушить его жизненные установки: он пел в клетке, но разве песня, поэзия могут жить в неволе? Кенар не оставлял попыток взлететь со своей жердочки, каждый раз больно ударяясь о металлические прутья своей тюрьмы, так и не сумев понять, что только родная почва под ногами надежно

питает жизненными соками, дает уверенность... Полет всегда призрачен, движение относительно...

Лексикон вертлявой птицы был переполнен пустыми словами «любовь», «звезда», «тоска»... Ни разу кенар не пропел «Родина», «мать», «жизнь». Но все-таки жаль беднягу... Не повадилась бы опять смерть в этот дом, хотя для нее здесь почти ничего не осталось: Лизавета с бабушкой да кактус... Ах, еще замшелый домовый, безвольный, опустошенный утратами: не уберег, не углядел...

Лизавета нажала красную кнопку, и коляска остановилась у самого окна. Здесь, у тонких, вибрирующих уличной жизнью стекол, она привыкла плакать, когда плакалось. Она рассчитывала дать волю слезам, но не получилось. Ни слезинки, ни всхлипа. В груди было холодно, северный полюс давно образовался там. Она вспомнила, что когда в серой и пустой больничной палате бабушка наконец решилась рассказать ей о том, что нет больше у нее ни матери, ни отца, что похоронены они две недели назад в одной могиле на новом загородном – на лысом холме – кладбище, то она тоже не заплакала тогда. Две слезинки только-то и скатились по ее щекам, упали к ногам ледяными горошинами. Бабушка твердила: «Ты плачь, плачь!..», а она никак не могла избавиться от ощущения, что рядом с ней кто-то чужой, посторонний, – и она не могла, не хотела, чтобы он видел ее слезы...

Этого постороннего она почувствовала еще на аэродроме, когда не соглашалась садиться в вертолет. Мать и отец в один голос говорили ей:

– Не нужно бояться, не нужно!..

А она боялась. Что-то чужое было готово забраться в железную стрекозу вместе с ними. Оно давно ходило по следу, готовя одну ловушку за другой: «Мама, помнишь, как молния подожгла дачный домик как раз той ночью, когда мы должны были ночевать там всей семьей, да отложили из-за насморка? А ты, папа, не забыл, как на улице тебя окликнул старый приятель, ты остановился, оглянулся, а в это время обрушился со стены портрет, не портрет – портретище тогдашнего вождя, и всей своей тяжестью ударил по асфальту как раз в том месте, где ты должен был проходить, не остановись на секунду с приятелем?»

– Может быть, поедем на поезде?

– Не глупи, малышка!.. Мы сэкономим почти сутки, да и взглянешь сверху на землю, красота!..

Она обреченно поднялась по коротенькой железной лесенке в разогретое душное нутро вертолета. Наверное, это был грузо-пассажирский вариант, потому что вместо кресел здесь были узкие длинные скамьи; и ее посадили между родителями. Кроме них в вертолете сидели худая желтая женщина с огромной цветной сумкой на коленях, из которой торчали неопрятные свертки с колбасой, сельдью, бурыми макаронами, и лысый мужчина в огромных дымчатых очках, уткнувшийся в газету с названием «Надежда».

Вертолет затрясся, захрохотал. Затоптанное грунтовое поле аэродрома вдруг качнулось, накренилось и стало проваливаться вниз. Лизавета зажмурила глаза, сжалась в комок. «Неужели летчики взаправду любят небо? – подумала она. – Натужный рев моторов, свистящие лопасти, тряска и дребезжание металла – это и есть полет?.. Инеродный, никчемный механизм борется с живой стихией, и она отторгает его... Разве брошенный камень летит? Он только падает...»

Непонятно откуда потянуло холодом, заледенило затылок. Ей почудился сухой короткий смешок.

– Ну что ты дрожишь? – едва перекричала шум мотора мама. – Тебе пятнадцать лет, а ты такая дикая...

– По статистике, воздушный транспорт – самый безопасный. В автомобильных катаклизмах... – начал кричать отец и осекся, потому что больше не стало потребности кричать. Мотор как будто задохнулся во встречной воздушной струе, закашлялся и замолк.

Еще гудели какие-то механизмы, трещали шестеренки, вращались маховики, шумел над головой винт, и вертолет мчался над крошечными домиками, ленточками дорог и речек, но все уже было кончено. Вышло время железной машины, вышло время людей. Они еще жили, но что за жизнь по инерции?..

И все это поняли. Лизаветин отец – первым.

– Почему, почему ты замолчал? – закричала Лизавета, но в тот же миг вертолет, скользивший по тонкому насту инерции, провалился в бездну.

Дико закричала желтая женщина и бросилась к голубой дюралевой двери. Мгновенно, как будто всю жизнь этим занималась, она справилась с замком, и дверь подалась вовнутрь, и в образовавшийся сверкающий солнцем проем ударила воздушная волна. Женщина отпрянула от двери, огляделась безумными глазами и заметила оставленную ею на скамье цветную сумку с селедкой, макаронами и, балансируя на вибрирующем металле пола, попыталась вернуться за сумкой. Каким-то невероятным усилием ей это удалось, она схватила сумку, и на лице ее мелькнула тень удовлетворения, но тут же вертолет трянуло, завалило на бок, женщина взмахнула руками, широко раскрыла рот, но не закричала, может, поняла, что бесполезно, – и рухнула, ударилась о болтающуюся дверь и, не сделав ни единого движения, чтобы удержаться хоть за что-то, выскользнула из вертолета, долю секунды парила рядом с погибающим аппаратом с растопыренными руками, раскрытым безмолвным воплем ртом, потом улетела – сначала куда-то вверх, а затем, обогнав несчастную железную стрекозу, умчалась навстречу недалекой уже земле.

Лизавете почудилось, что в голове ее кто-то насмешливо произнес: «Счастлив, кто падает вниз головой: мир для него хоть на миг – а иной».

– Лизавета, сюда! – закричал отец. – Скорее!..

Он схватил ее и прижал к себе:

– Выдохни и не дыши!

Мать поняла его замысел мгновенно и обхватила ее сзади, прижалась к ней:

– Господи, помоги, помилуй!..

– Мама, мама!..

Лысый мужчина в дымчатых очках с трудом удерживал в руках парусящую газету с обманным названием «Надежда» и, шевеля губами, продолжал читать, наверное, передовицу. Аз, буки, веди, помилуй нас!..

– Мама! – удар и боль уничтожили все. Целую вечность не было ничего, потом родилась тишина, и кто-то опять прошептал: «...хоть на миг – а иной...»

«Да такой же точно, – подумала Лизавета, – просто люди привыкли путать мир и свет... Свет путают со светом, а мир с миром... Поди тут разберись...»

Голова у нее закружилась, и она открыла глаза. Белые кафельные стены окружали ее, а у стен этих стояли стеклянные шкафы со всякой медицинской всячиной и приборы с зелеными экранами и дрожащими нервными стрелками.

Среди этого нагромождения она с трудом нашла себя, забинтованную, распятую, такую же белую, как все вокруг. И только бабушка у изголовья ее кровати дремала на стуле, а на плечах у нее накинута пестрая старенькая кофта.

«Плохи мои дела, – подумала Лизавета, – а мама, папа, что с ними?..» И она опять почувствовала чужое присутствие, тяжелое и холодное дыхание.

С тех пор это чувство то ослабевало, то усиливалось, но никогда не оставляло ее. И когда она узнала о могиле на загородном кладбище, и когда из старательных умолчаний вежливых докторов поняла, что отныне тело ее – руки, ноги – будет только придатком коляски с электрическим моторчиком, и когда бабушка по ночам плакала и жаловалась темной иконе на горькую судьбу, Лизавета знала: всю жизнь свою – а сколько ей осталось? – она будет прислушиваться

к морозному дыханию у себя за плечами, будет, как стрелок, учитывающий силу ветра и вращение земли, делать поправки на эту темноту и холод.

Лизавета еще раз прикоснулась к зеленой кнопке, и электрический экипаж подкатил вплотную к подоконнику. Зеленый динозавр в пузатом глиняном горшке всем своим видом выражал соболезнование по поводу смерти кенара, но был смешон: на самой его макушке расцвел розовенький, нежный цветочек.

Лизавета грустно улыбнулась и сказала:

– Говорят, что такое бывает раз в сто лет. Поздравляю с цветением!..

Кактус всполошился: как же он сам не заметил, ведь чувствовал, чувствовал в последнее время легкие головокружения, волнующую приподнятость духа, но отнес все это на счет октября, прилипшего мокрыми листьями к тонкому стеклу окна.

– Осень, а ты расцвел, – сказала Лизавета. Динозавр промолчал, углубленный во внутреннее созерцание цветения; таинство, что ни говори!

Лизавета посмотрела вверх розовенького цветочка – сразу за стеклом открывался прозрачный утренний простор. На высоте третьего этажа взгляду уже не очень мешала ни влажная ржавчина крыш, перемешанная с опавшими листьями, ни далекие черные пальцы труб, указывающие с умирающей осенней земли в высокое небо, ни густые стаи птиц, собирающиеся в октябрьское бегство. Иногда она видела и другое: на самой верхней лестничной площадке полуразрушенного, давно заколоченного парадного подъезда их дома как будто кто-то поселился – не то бездомный бродяга, не то скрывающийся от правосудия преступник, а может быть, чужак, которому надоело все на свете. Лизавета слышала о людях, обитающих на крышах, о народах чердаков, заброшенных кладовок и сараев, старых дымоходов, но те были другие – оседлые, друг от друга не прятались; иногда даже мелькали на крыше иссиня-черный цилиндр, крахмальный воротничок, лайковые перчатки – безукоризненность, высокое достоинство были присущи тайным поселенцам. Этот же не походил ни на людей подворотен, ни на членов сообщества кочегарок, ни на многочисленных обитателей теплотрасс. Этот неожиданный поселенец был почти не виден за грязными стеклами слухового оконца заброшенного парадного подъезда. Лизавета, скорее, угадывала, что он там, да иногда показывались в оконце неопрятная какая-то шапка, уголок воротника заношенного пальто, кусок пестрого лоскутного одеяла. Иногда ночевщик этот надолго пропадал – на неделю, две, а затем появлялся. Она никогда не видела его (или ее?) в лицо, только однажды мелькнуло, как отражение в старом затертом зеркале, юношеское лицо, но тут же на его месте возникло что-то непонятное, пугающее, как будто кто-то огромным ластиком принялся стирать лицо юноши – перемешались все детали этого лица, все краски. Наверное, это была только игра света.

Лизавете из ее окна виден был весь невысокий провинциальный город – промокший, замерзающий и видны были пустые скучные поля за ним, и дороги с колеями, залитыми водой, и озера, затянутые хрупким растрескавшимся льдом, о который разбивают лбы затосковавшие до весны щуки, и снова жирные вспаханные поля, и леса с тощими затравленными волками, небритыми разбойниками с воспаленными от многолетнего сидения у костров глазами; и снова поля, а за ними другой город – темный, до которого еще не добрался рассвет, а за этим городом море, где легкую волну рассекает старая моторная шхуна, шкипер которой уже не первую неделю, да что там неделю – не первый уже год – ведет свой корабль на восток – без усталости, без сомнений, иногда только поднимая к глазам верный цейсовский бинокль, но что он может рассмотреть, кроме прохладного солнца, краешком задевшего за воду и самыми первыми лучами высветившего на руке шкипера странную наколку «2–6, 2 – 12, 2–1, 2–2, 1 – 3, 2–7, 1 – 2, 2–6, 1 – 4, 1–3, 1 – 2, 1–1, 1 – 4». Да еще на руке детская считалочка: «Чаби чаряби...».

– Целая шифровка на руке! – произнесла осуждающе Лизавета, она не любила рекламу, украшения, клятвы.

– Сам терпеть не могу татуировки, – далекой Лизавете как будто ответил шкипер. – Но ничего поделывать не могу, эта – семейная, от отца к сыну передается. И у деда моего такая была, и мне накололи в детстве... Какая-то семейная тайна...

– Бабушка! – закричала Лизавета. – Милая!..

– Я здесь, – ответила бабушка, неслышно войдя в комнату.

Она давно научилась все делать тихо, даже посуду старалась мыть так, чтобы не звякнули ненароком ни ложка, ни вилка, ни чашка. Со дня гибели дочери и зятя, царство им небесное, она стерегла тишину, никакие посторонние звуки, считала она, не должны беспокоить Лизавету. Поначалу так насоветовали врачи, а потом, когда медицинский запрет на шум был снят, ей самой стало казаться, что в этом доме нельзя беспокоить не только внучку, но и молчаливые безутешные тени, и, не дай бог, не расслышать что-то важное, что может прошелестеть в этой тишине.

– Господи, вот несчастье! – сказала бабушка, накрыв клетку с кенаром кашемировым платком.

– Платок твой в клетку и клетка тоже в клетку, – сказала Лизавета.

– Да, – сказала бабушка, – не везет нам...

– Скажи, бабушка, ты далеко видишь?..

– Далеко?..

– Именно...

Вопрос заинтересовал почему-то и домового, он высунулся наполовину из-за книжного шкафа с томом «Испанской поэзии в русских переводах» в руках, прислушался.

Бабушка помолчала и ответила:

– Без очков далеко... А если слезы навернутся на глаза, то как в подзорную трубу смотрю...

– И я далеко, – сказала Лизавета. – Но не плачу...

– Ты поплачь все-таки...

– И еще скажи: ты в жизни все помнишь?..

– Все?..

– Ну да, с самого своего рождения?

– С самого рождения никто не помнит...

– А до своего рождения?..

Домовой отложил испанскую поэзию, покачал головой: разве годится человеку заглядывать за пределы своей жизни, разве это приводит к добру?.. Может, не случайно так встревожены те, кто боятся света?..

Бабушка надолго замолчала, может быть, вспоминала то, что было до ее рождения, а может то, что будет после ее смерти?..

Динозавр на подоконнике неслышно хмыкнул: тоже загадка бытия – каждый кактус помнит день за днем все двенадцать миллионов триста пятьдесят тысяч лет всеобщей кактусовой истории. Каждый кактус – это гордая частица единого целого, и никогда не забудет, что его предки не уступали дороги даже бронированным ящерам своей эпохи, были в родстве с ними. Но те вымерли, а кактусы, должно быть, вечны...

– Иногда мне как будто снится, – произнесла наконец бабушка, – что я жила и двести лет назад, и тысячу... Однажды зажгла спичку – сама не знаю зачем, да что-то закрутилась, и головой по сторонам кручу, ищу чего-то... А что ищу?.. Спичка мне пальцы обожгла, а меня будто всю обожгло – я поняла, что искала камин, озиралась... А я ведь камин только в кино видела. И еще рука потянулась за каминными щипцами, такими черными, тонкими... Я помню, что концы их были выкованы в виде когтистых лап какой-то большой птицы.

– Помнишь? – вставила слово Лизавета.

– Да нет, нет, – смешалась бабушка. – Просто померещилось...

– А лапы у этой неведомой птицы были пятипалые, – подсказала Лизавета, – и часто промозглыми осенними вечерами у камина разгорались споры нешуточные: кто говорил, что это когти орлана, кто утверждал, что птицы-секретаря, а старый чемпион по увлекательнейшей из игр – домино, полковник в отставке Фома готов был поспорить, что на земле не существует пятипалых птиц, – и спорил, и выигрывал пари, потому что действительно таких птиц нет... А может, это и не птицы совсем?..

– Ты не можешь ничего этого знать! – перебила ее ошарашенная бабушка. – Людям не снятся одинаковые сны!..

– Это не сон...

– Что же?

– Просто память...

Домовой кивнул, почесал затылок: он уже догадывался, конечно, чьи когтистые пятипалые лапы имел в виду кузнец, изготовивший каминные щипцы, он знал кое-что и о фокусах памяти... Но разве могут быть доступны эти секреты беззащитной, парализованной девочке?..

– Не понимаю, ничего не понимаю, – задумчиво произнесла бабушка. – Только знаю, что такие вещи иногда происходят с жильцами нашего дома...

– Я – тоже не понимаю, – честно призналась внучка. – А может, и не нужно ничего расшифровывать, все разгаданное-то – скучно?..

Глава вторая

Даша

*Эне, бене, раба,
Квинтер, финтер, жаба.
Эне, бене, рее,
Квинтер, финтер, жес!*

...1-1;2 – 5;0...

По вечерам, если дождь не размывал тропинки, Даша уходила в лес. За ней увязывался Пес, большой, лохматый, черный, он никогда не обгонял ее, бежал, опустив лопухую голову к ногам, как будто не веря своим глазам – она ли это? – проверял след влажным, не ошибающимся носом.

Даша уставала на работе, целый день на швейной фабрике понукала машинку, из-под острого клюва которой выползали бесконечной вереницей мужские кримпленовые брюки, но усталость не отвлекала – Даша, не переставая, разговаривала с Сашей, жаловалась ему на трудную работу – поясница к вечеру ноет, как у старухи; на получку, которой едва хватает на две недели – и куда только деньги деваются?.. Она ругала Сашу за то, что так рано его не стало, винилась ему: дура, вот дура была, зачем аборт тогда сделала?

Он пропал тихим июльским вечером. Пошел в лес прогуляться – и не вернулся. Позже кто-то сказал: «Не отпустил его лес...» Она казнила себя: ведь собиралась пойти вместе с Сашей, но задержали в доме нескончаемые дела – мыть, стирать, белить, и она не пошла. Ждала его к обеду – он не пришел, думала, вернется ближе к вечеру – не вернулся. Когда стало смеркаться и мрак потихоньку начал выползать из дубняка, она взяла фонарь и отправилась в лес. Лес встретил ее тревожным шелестом листьев, хлопаньем крыльев ночных птиц, близким ворчаньем невидимых зверей. Ночью в лесу начиналась особая жизнь, и он неохотно открывал ее секреты. Днем – пожалуйста, все чудеса лесные для Даши – и россыпь ежевики, не ленись собирать сизые, словно подернутые туманом, ягоды, и шляпки груздей, выглядывающие из-под прошлогодней листвы, и цветы – ромашки, фиалки, иван-чай, зверобой, татарник и еще тысяча – голубых, розовых, белых, алых, сиреневых, чьих имен она не знала... А ночью лес словно чужой, он только терпит человека, да и то не каждого.

Неподалеку от Даши кто-то пронзительно закричал и бросился прочь, ломая ветки, продираясь сквозь кусты.

«Леший!» – ужаснулась Даша. В другое время она и шагу бы не ступила дальше, но теперь шла твердо, вытянув вперед руку с фонарем.

– Саша, ты заблудился? – спрашивала она у темноты.

И сама отвечала:

– Не может такого быть!.. Ты тут каждую тропинку знаешь!..

– Может, нынче на реке клев хороший? – вспоминала она. – Взял ли он с собой удочку или нет?

– Саша, может, ты ногу подвернул? – продолжала она допрос. Ответ был простой: если бы с ним случилось что-нибудь дурное, она непременно бы почувствовала это. Но ничего такого она не чувствовала. Но тревога за Сашу росла с каждым поворотом тропинки, с каждой поляной, с каждым пройденным мостиком через ручей... «Он жив и здоров, – уверяла она себя, – но все-таки с ним что-то случилось!..»

Свет фонаря отразился в черной глади воды, тут же это световое пятнышко проглотила ненасытная разбойница – щука.

Даша знала, что где-то здесь есть деревянные мостки, с которых обычно рыбачил Саша. Она повела фонарем слева направо, так и есть – вот он деревянный настил, на нем стоит ведро, а рядом лежит удочка. Рядом аккуратно сложена одежда.

– Саша! – позвала она негромко, почти прошептала. – Са-ша!..

Никто не отозвался.

Она направила фонарь на ведро, и в нем плеснулась рыба, как будто только что брошенная туда Сашей.

– Са-ша!.. – повторила она, и ей показалось, что ночное эхо принесло с противоположной стороны озера ответ: «Да-ша!..»

Она еще раз позвала, но на этот раз плеском откликнулись караси в ведре. Даже эхо пропало.

Даша взяла ведро, ступила на мостки, погрузила ведро в воду; караси, не веря своему счастью, постояли с минуту, медленно шевеля плавниками, а потом растворились в ночном озере.

Только когда разгорелась заря, Даша повернула домой, заторопилась: может, Саша давно вернулся? Но что-то подсказывало ей, перехватывая горло отчаяньем, что нет, не вернулся. И не вернется.

Глотая слезы, она открыла дверь дома – никого...

Прошел день, другой, третий... Приезжали следователи, уполномоченные, комиссары – как только они не назывались, но все были, как две капли воды, похожи друг на друга и говорили одинаковые слова, требовали фотографию Саши, образцы его почерка, расспрашивали: не было ли у него любовницы или паче чаяния не имел ли он родственников за границей?.. Но ей почему-то показалось, что ищут эти уполномоченные как-то несерьезно, словно понарошку.

Были среди уполномоченных особо подозрительные, они все спрашивали, не осталось ли после Саши каких-нибудь особенных бумаг, секретных документов, как будто они или точно знали, или хотя бы предполагали, куда он подевался. И эти подозрительные уполномоченные, сами того не желая, хоть чуть-чуть, да успокаивали ее.

Она спрашивала у них: сумеют ли они найти Сашу? Они пожимали плечами и вежливо отвечали: вы даже представить себе не можете, как много людей пропадает в наше время и как мало находится! Но надежду терять не надо. Вот совсем недавно, кажется в Казалинске, произошел потрясающий случай. Тоже пропал муж. Вышел выносить мусор и не вернулся. Искали его изо всех сил, с Интерполом консультации проводили, а он как сквозь землю провалился. Жена добилась всеми правдами и неправдами, чтобы его объявили погибшим – это чтобы наследство не досталось в ненужные руки, и его таким объявили. Но только объявили, как он нашелся. Оказывается, встретился он у мусорного бака со старой подругой, а они с самой школьной скамьи не виделись. Оказалось, что она обитает в соседнем доме, а мусор ей выносить некому, потому как она давно живет одна. Слово за слово: а помнишь, а знаешь, а ведь могло быть по-другому?.. Она позвала зайти его на чашку чая, и он зашел. А там и рюмочка наливки, а там и борщ с пылу с жару, а там и мусор она сама выносит... В общем, засиделся человек. И, может быть, никогда бы его не нашли, если бы не послала его однокашница все-таки мусор выносить. (Мотайте на ус). У мусорных баков он и повстречался с позабытой женой. Увидел ее, всколыхнулась старая любовь, ожило прежнее чувство. И к счастью своей родни он вернулся домой. Говорят, что мусор пока выносит жена... Может, и Саша найдется!..

– Какой еще мусор! – восклицала Даша. – Какая однокашница! Мы с Сашей любим друг друга...

Сколько времени прошло с тех пор? Недели, годы?

Она ждала его каждый день. Она ждала его каждую минуту. Он был жив – Даша знала это... Он был близко...

А однажды она почувствовала, что его не стало. Нет, он был жив, но его не стало в пределах, доступных ее чувствам... Бывает ли такое?

В этот день на швейной фабрике давали премию. Даше тоже дали немного. Но и немало, по ее представлениям. Она положила деньги в сумочку и отправилась в магазин. Она знала, что Саше давно приглянулся красный пуловер из тонкой английской шерсти, спереди которого было вышито крошечными буквами английское слово – «home». Почему было вышито на груди свитера это слово – она не знала. Саша говорил:

– По-английски это значит «дом», наверное, домашний пуловер, дома его нужно носить, назвать друзей, приодеться и встречать их на пороге, радуясь друзьям, и чтобы они понимали, что такой праздничный пуловер ты надел имен ради них... Да и потом дом, в котором мы с тобой живем, непростой дом, можно сказать, замечательный...

Хорошая была вещь этот пуловер, но тогда они его не купили, премии не случилось, а теперь у Даши появилась такая возможность. Она только переживала, что пуловер уже продали, но едва переступила порог магазина, то увидела, что он на месте.

– Я беру эту вещь! – сказала она продавщице. – Заверните!..

– С такой покупкой можно поздравить, – откликнулась воспитанная продавщица. – Отличный подарок любому мужчине... Но, конечно, лучше бы ему примерить пуловер, вещь не дешевая...

– Мы уже примеряли, ему как раз! – сказала Даша. – Как раз...

В это мгновение как будто кончилось обманное действие неведомой анестезии, боль тупым ножом полоснула сердце, ледяная тоска заползла в душу. Продавщица еще говорила, что в течение двух дней свитер можно поменять, что возможно даже вернуть за него деньги, если он вдруг не подойдет по размеру или фасону, но Даша уже не слушала ее. Только теперь, в эту секунду, она осознала, что некому больше примерять этот пуловер – Саши нет!.. Саши больше нет!.. Может быть, он пропал именно в эту секунду?..

Она вышла из магазина, оставив на прилавке сумочку с деньгами – зачем теперь ей эти деньги? Следом за ней выбежала воспитанная продавщица:

– Девушка, вам плохо?.. Вот ваша сумочка.

– Плохо?.. Нет, не плохо... Я умерла...

– Не шутите так! – строго сказала продавщица. Она, наверное, пока не знала, как один человек может почувствовать, что не стало другого. Дай бог, чтобы и не узнала никогда...

По привычке Даша стала жить дальше: чистить по утрам зубы, жарить яичницу, ходить на фабрику... Научилась разговаривать с Сашей, с тем, кого нет...

Ей иногда говорили: «Может, еще вернется?», она мотала головой, знала – не вернется. Откуда она это знала? Просто знала – и все. Но на всякий случай добавляла: «Наверное, не вернется...»

Стала больше читать и поразилась, как много в книжках рассказывается о несчастьях. И даже если где про хорошее напишут, то обязательно прибавят ложку дегтя – или кто-то все добро свое потеряет, или жена у него убежит с таким подонком, с которым никто до этого не рискнул убежать, или утром в клетке сдохнет любимый кенар...

Ее тормозили в цехе: очнись, опять у тебя брюки с зашитыми штанинами выходят, это ж не мешки! Она улыбалась и говорила Саше: «Знаешь, я на прошлой неделе умудрилась разноцветные брюки соорудить – одна штанина коричневая, другая – черная. Смеялись все надо мной, как в кинокомедии. А мастер отругал, заставил все распарывать, а потом чуть не ползарплаты удержали за брак...»

Саша никогда и ничего не отвечал, хмурился, она не любила, когда он хмурился, становился некрасивым, на лбу собирались морщины. Она пеняла ему за это тысячу раз, но он молчал. Тогда она плакала, но не на людях – дома или в лесу. Чаще в лесу. Дома было страшно плакать – все в доме было мертво, некому было ее пожалеть. И стол, и стулья, и кровать, на

которой они спали с Сашей, – все в доме умерло, даже альбом со старыми счастливыми фотографиями, на которых все улыбались.

Она шла в лес, за два года натоптала там тропинок; шла-шла-шла, а в пятки ей тыкался Пес, а когда сил уже совсем не оставалось, обнимала шершавый ствол первого попавшегося вяза и плакала. Ей казалось тогда, что лес утешает ее, только он один и живой вокруг. Да еще Пес, прибившийся к дому. Странная собака, за два года ни разу голос не подала, хотя на кого ей лаять? – за два года к Даше никто не приходил, только один раз Старьевщик приезжал на тележке, запряженной веселым косматым коньком. Он подогнал тележку к самому забору, будто знал, где можно старьем поживиться, закричал в жестяную трубу: «Макулатуру сдавать, ветошь сдавать! Меняю старье на новье! За рваную юбку – новую ленту!»

Пес даже не посмотрел в сторону тележки, а Даша вышла из дома и бросила в тележку на груды пыльных забытых книг и исписанных школьных тетрадок растрепанный узел своих девичьих платьев. Старьевщик засмеялся, подбросил узел вверх, он распался на сатиновые, ситцевые и поплиновые прежние годы; они неслышными парашютами опустились в тележку. Старьевщик ловко, как фокусник, выхватил откуда-то алую полоску – шелковую ленту и протянул Даше:

– Носи краса, не будет износа...

– Мне, наверное, черная к лицу, – сказала Даша.

– Зачем молодости траур? – закричал Старьевщик, но посмотрел на Дашу, примолк, погладил конька по холке.

– Думаешь, черная – это неправильно? – повторила Даша.

– Черных не держим, не катафалк, – ответил Старьевщик, – лучше посмотри, какие чудеса здесь есть...

Он засучил рукава и, как археолог, не зная, что найдет, принялся за раскопки в своей тележке. Пыль времен поднялась над грудями старья. Даше померещилось тяжелое, расшитое почерневшим серебром, платье боярыни, отскорбевшей по мужу после Непрядвы. Она увидела сафьяновые сапоги, которые сбросил некогда отчаявшийся Соловей-разбойник, на подошвах которых пыль и прах тридевятого царства. Старьевщик тронул струны гуслей, и сразу стало ясно, что они не забыли Баяна. Просыпался на примятую траву у забора пожелтевший от старости жемчуг, утраченная добыча карибских пиратов, свалился и звонкий боевой барабан, и как будто близкая гроза прокатилась по безоблачному небу...

Откуда он взялся, этот Старьевщик?..

Наконец он с усилием вытащил нечто, похожее на огромные наручные часы.

Он смахнул с них пыль, протянул Даше:

– Примерь.

Та удивленно взяла прибор, по которому, наверное, ориентировалась еще бабушка Гугниха, если ей нужно было ориентироваться. Что-то знакомое вдруг померещилось ей в этом явно старинном приборе... Но что? Как будто видела его уже однажды...

– Ценная штука! – похвалил товар Старьевщик. – Готов побиться об заклад, что даже людям кочегарок понравилась бы, а люди кочегарок знают толк в таких вещах... Может, тебе пригодится?.. А люди кочегарок – это такой теплолюбивый народ, он живет в вечном тепле; среди них много философов, писателей, истинных сибаритов. Но и мастеровые у них с золотыми руками и золотыми сердцами; самые лучшие самогонные аппараты, к примеру, изобретены и построены народом кочегарок. Этот самогон чист, как первая девичья любовь, он занесен в мировую книгу чудес. Если бы мы с тобой такой пили, то были бы счастливы – и я был счастлив, и ты была бы счастлива...

– Я не пью, – сухо ответила Даша. – И откуда я знаю – может, ты самый главный счастливчик на земле?..

Ей почему-то казалось, что все счастливые – предатели.

– Не знаю, может, и счастливчик, – сказал старьевщик. – Бери компас...
– Для чего он мне! – отказалась Даша. – Все мои путешествия – в лес да обратно...

– Да прибор этот только так называется – компасом, а на самом деле показывает не только стороны света... Много чего он показывает... Возьми, вполне может понадобиться когда-нибудь... Жизнь большая, всякие перекрестки на ней случаются, начинаешь потом гадать – налево ли, направо ли поворачивать, а тут и гадать не надо, взглянул на стрелку – и шагай себе спокойно!..

Даша пригляделась к прибору – никакой стрелки на нем, а только окошечки, как в старинных кассовых аппаратах, а в окошечках черненькие буквочки на белых эмалированных плашечках: «Не бери!». Так и написано – «Не бери!» – с восклицательным знаком, как будто приказ.

Даша рассердилась, сказала:

– Беру компас этот!..

Компас отозвался едва слышным перещелкиванием: «Хорошо!». И опять с восклицательным знаком.

«Он как будто издевается, то „не бери“, то „хорошо“, – пришло ей в голову. Она хотела уже вернуть приборчик Старьевщику, но увидела, что на крышке с внутренней стороны вделано небольшое круглое зеркальце, и ей почему-то захотелось взглянуть на себя – неужели из-за этого Старьевщика? Не может быть...

Точно, точно, компас этот ей не чужой...

Она заглянула в зеркальце, в его серебряном кружочке отразилось небо, лес, далекая река...

– Приезжайте еще как-нибудь! А мне привезите, если найдете, хотя бы одну книжку со счастливым концом... Ка кую ни возьмусь читать – так плачу... Особенно сказки, как дохожу до места, где все они умирают в один день, – не могу слезы остановить, – сделала она заказ Старьевщику. – У меня много еще чего ненужного да ветхого накопилось...

И подумала: «Нового-то у меня ничего нет, для чего оно мне, новое?..»

– Приеду, как не приехать, земля маленькая, – пообещал он. И тележка его покатила дальше.

Пес равнодушно зевал у крыльца дома – что ему Старьевщик, что ему скрипучая тележка, доверху набитая изношенными вещами?..

А Даша вдруг пожалела о своих платьях, сколько раз была она в них счастлива! Она даже хотела броситься вслед за тележкой, но та подозрительно быстро растворилась на лесной дороге...

И с тех пор она как будто ждала Старьевщика, словно был у них уговор: погуляет он, погуляет по маленькой земле, стряхнет с платьев горестные воспоминания и привезет их назад – и ситцевые, и сатиновые, и поплиновые годы, и стоит ей тогда надеть любое из платьев, как оживут, вернуться эти годы, плеснет через край смех, молодость, любовь...

– Псина ты, псина, легко тебе живется, – разговаривала она с собакой. – Даже не знаешь, как тебя зовут... А ведь нельзя без имени, без имени потеряться легко...

Собака не отвечала.

– Ну да пес с тобой! – огорчилась Даша. – Не хочешь говорить, молчи... Будешь просто Псом!..

Она заглядывала Псу в глаза, они были внимательные, грустные.

Время от времени она брала в руки компас, в его окошечках так и чернели все те же буквочки: «Хорошо!». А что хорошего? Ничего особенно хорошего и не было – тихая тоска и неутрахающая боль. В конце концов, она забросила компас в свой заветный ящик, так и не посмотрев на себя в зеркальце.

Однажды, наплакавшись вволю, порвав в застывшем ей дороге шиповнике рукав куртки, она вдруг почувствовала, что нужно как можно скорее возвращаться к дому.

– Старьевщик? – с непонятной надеждой спросила она у себя.

Ничто не откликнулось в ней, она погрузилась: нет, еще не объехал он всю землю с ее девичьими платьями.

Дом ее, низкий, темный от времени, как будто вросший в землю, обнесенный кирпичным забором, стоял на самой окраине города, лицом к лесу, забором к городу, и она издалека заметила серых мужчин – в серых пиджаках, в серых шляпах. Под мышками они бережно и крепко сжимали серые же кожаные папки.

– Гражданочка такая-то Даша? – спросили они ее, когда она подошла к дому.

– Да, – сказала она. – А что такое?

И тут Пес зарычал, чудо какое!

– Настоящее чудо! – сказала она. – Пес голос подал...

– Это не чудо, отнюдь, – сказали серые мужчины. – Чудо в другом, а именно: ваш квартал целиком попадает под снос и вам выделяется однокомнатная квартира со всеми удобствами – природным газом, горячей и холодной водой, туалетом... А также от правительства, которое знает о вашей тяжелой утрате, вам полагается почти пятнадцать тыщ, без подоходного налога... Поздравляем вас такая-то гражданочка Даша! Поди, намучились вы тут без удобств... И лес такой страшный рядом...

– Он жив! Жив! Какая-то компенсация? – страшно закричала она?

– Конечно! – закивали дружно мужчины и раскрыли папки. – Вот смотрите, здесь через лес пройдет новая широкая улица, застроенная шестнадцатизэтажными домами новейшей серии сто семнадцать тысяч дробь два, а вот здесь будет торговый центр, кафе, парикмахерская...

«А куда же я буду ходить плакать?» – чуть не спросила она у них. Но сдержалась, сказала только:

– Не нужна мне квартира этой самой многотысячной серии, у меня дом есть, я в нем жить хочу. И буду... Это дом моих родителей и родителей их родителей...

Мужчины дружно рассмеялись: чудачка, да и только! Потом посуровели: до чего же народ несознательный, каждому в отдельности приходится объяснять величие градостроительного замысла. Этим бабам с окраин хоть кол на голове теши, они все на своем стоят: не хотим на шестнадцатый этаж, у нас головы и без этого кругом идут!..

– А лес рубить, пилить будете? – грозно спросила она. Серые мужчины, конечно же, не знали, что лес, который они собирались придушить асфальтом, потеснить шестнадцатиэтажной серией, окультурить парикмахерской, был волшебным. Он, может быть, один такой на весь свет остался. Ходить в него не каждый решался – одежду сучьями раздерет, напустит комаров-кровопийц, заведет обманными тропками в чашу и бросит на растерзание нечисти, а чего хуже – на вековечное плутание среди страшных замшелых деревьев, на небывалое одиночество.

Суровый был лес: нечасто бегали по его полянам с веселым смехом крепдешиновые гражданки в поисках груздей и белых грибов, не приходили маршировать и петь геройские песни тинэйджеры с горнами и барабанами, влюбленные не мяли здесь траву, перекрашивая пиджаки и юбки зеленым цветом.

Дурная молва шла о лесе, но зря: добрые люди в нем не пропадали, не тонули в его речках и топях... Вот только Саша пропал, но все верили, что в этом лес не виноват. Не виноват этот лес, не убийца он, а хранитель секретов. Вот он и о Саше все знает, а если леса не станет, то с ним исчезнет и последняя надежда узнать хоть что-то об этой таинственной, потусторонней истории.

Жалко, если вгрызутся в этот лес стальные зубья пил, экскаваторов, убьют деревья, цветы, речку... Слезы навернулись на глаза Даши, но она не хотела, чтобы это видели серые мужчины, и ушла в дом. Пес за ней.

Даша села у окна и смотрела, как волнуются кроны деревьев, как тревожно кружат над лесом птицы и что-то кричат, наверное, передают всем страшную новость. В тонком стекле окна отразилось ее лицо, растерянное, расстроенное. «Какая некрасивая я стала! – подумала она без горечи. – Раньше была другой, Саша говорил, что лучше меня нет никого...»

Она вспомнила о зеркальце в крышке компаса, которое подарил ей Старьевщик, достала его из заветного ящика, где лежали у нее старые фотографии, письма Саши, вышедшие из употребления деньги... Надпись в окошечках компаса теперь была такая: «Сохрани дом!».

– Без тебя бы я не догадалась, – проворчала она. Ее несколько не удивляли появляющиеся сообщения, она воспринимала прибор как собеседника, может быть, как упрямую соседку.

Даша взглянула на себя в зеркальце: так и есть, обветренные губы, невыразительные, потухшие глаза, кое-как уложенные волосы... А на плече оранжевая, как пламя спички, бабочка... Даша скосила глаза на плечо: бабочки не было. «А, ведь в зеркале все наоборот, – догадалась она, – где у нас право, там, в зеркале, лево!..» Она посмотрела на правое плечо: там бабочки не было тоже. А в зеркальце она была, складывала и разворачивала снова свои оранжевые, невесомые, как огонь, крылья.

Даша присмотрелась и ахнула: не пустой и неудобный дом отражался в серебряном зеркальце, а веселое и нарядное жилище. За спиной у нее от потолка до пола, от стены до стены тянулись книжные стеллажи, на которых дремали тяжелые позолоченные тома, лежали папки с рукописями – все живое, вот только что всего этого касались человеческие руки. С боковой стены улыбались фотографии, она пригляделась к одной, и сердце заледенело и тут же застучало сумасшедшей надеждой. На фотографии она была снята не одна, в зеркальце не рассмотреть с кем, может быть с Сашей? Они стояли на берегу моря и смотрели туда, где под парусами шел большой корабль.

Неспешная, нестрашная волна накатывала на этот берег, и ясное небо, и ярко-зеленые листья пальм, и золотой песок под ногами – весь мир вокруг был полон тишины и счастья. Но она никогда не была у моря, Саша тоже не был!.. Что это?.. Жестокое, обманное зеркальце дал Старьевщик или позволил заглянуть в мир, где исполняются сны и надежды, где каждый счастлив?.. Разве не может такого быть?.. Буквочки на компасе по-прежнему показывали «Хорошо!».

Эх, Старьевщик, Старьевщик, где ты?..

За окном заскрипели колеса, и у ворот остановилась долгожданная тележка. Даша вылетела навстречу ей.

Глава третья Побег

*Раз, два, три, четыре, десять,
Выплыл ясный круглый месяц,
А за месяцем луна,
Мальчик девочке слуга.
Ты, слуга, подай карету,
А я сяду да поеду*

...2–4; 1 – 13; 1 – 28...

Несчастья никак не хотели успокоиться и кружили над домом, где поселились после смерти родителей Лизавета и бабушка. То одно случалось, то другое... Со счета сбились, сколько раз утюг перегорал, не успевали молоко на плиту ставить – обязательно убегаало. А однажды ночью на кухне шкафчик с посудой рухнул, грохот был как во время землетрясения, ни одной тарелки целой не осталось. А недавно вышли из-под пола полчища тараканов, усатых, злобных, ненасытных... Бабушка повела с ними борьбу, но с переменным успехом.

Был у Лизаветы с бабушкой старенький телевизор. Он показывал концерты, фильмы про победы добра над злом, а также где и что страшного делается в мире. Однажды он закашлялся на самом интересном месте, как будто горло у него перехватило, да так, что не удалось дослушать про наводнение – когда оно наступит. Диктор в начале передачи обещал назвать точную дату потопа и высоту волн, но закашлялся.

Кашлял он кашлял, а тем временем мутный серый экран погас, но тут же вспыхнул, по нему поплыли белые облака, – так бывает, когда в детстве завалишься спиной в траву и долго смотришь на июньское глубокое небо, и забываешь, что лежишь на земле, и кажется, да что там кажется! – на самом деле начинаешь парить... Экран телевизора еще раз ярко вспыхнул и начал показывать с высоты птичьего полета не то берег моря, не то огромного озера, не то широкой реки. Неспешная волна накатывала на золотой песчаный пляж, чисто вымытые листья деревьев говорили о недавнем дожде... Старый телевизор показывал что-то совсем непохожее на «Клуб путешествий» или какие-нибудь записки рекламного туриста. Тишиной, покоем, счастьем веяло от пейзажа, который разворачивался на экране. Бескрайняя тюльпановая степь, перепосанная прохладными реками, над которыми всегда стояли радуги, светлые леса, наполненные птичьим гомоном, – все было в этой телевизионной стране так, как давно уже не бывает на самом деле... Экскаваторы не вгрызались в землю, не визжали в лесу пилы, не грохотали взрывы и выстрелы, никто не кричал от боли и отчаянья... Лизавета смотрела и почему-то понимала, что прорвавшееся на экран совсем не было предназначено для телевидения, что это не фильм, не киножурнал, не курортная реклама... Что это?..

Как будто отвечая на этот вопрос, изображение уменьшилось, удалилось, и стало понятно, что это остров, или полуостров, или вообще какая-то далекая-далекая страна за тридевять земель... А может, вообще из космоса принесли неведомые радиоволны это таинственное кино?..

И вдруг Лизавета увидела заросший цветами луг, тихо журчащий в траве ручей, а на берегу ручья женщину и мужчину..

– Мама! Папа! – пронзительно закричала Лизавета, и мужчина и женщина в телевизоре повернулись к ней, протянули руки... Нет, она ошиблась!.. Не они!.. Или они?..

И тут из телевизора повалил едкий черный дым, за ним рвануло пламя... Исчезла чудесная страна...

Пожарники потушили пожар, унесли с собой обуглившиеся останки волшебного аппарата, необычно быстро набежали из домоуправления штукатуры и маляры – забелили, закрасили черноту на стене и потолке, но Лизавета с той поры потеряла покой, ни на минуту не забывала об острове...

И вот несчастье с кенаром. Оно тоже не забывается, хотя прошло уже почти полгода.

Лизавета нажала на зеленую кнопку на подлокотнике коляски, и та легко покатила к окну. За стеклом жил далекий, почти забытый город. Как она любила его! Как она скучала без него!.. Как она хотела вернуться в него!..

Прежде Лизавета носилась по его улицам, переулкам, садам, вместе с мальчишками из своего класса участвовала в набегах за сиренью, любила даже сумасшедшую игру футбол, где нужно уметь думать ногами, не брезговала ходить на рыбалку; ей нравилось вставать до зари и бежать, с замиранием сердца, на берег реки, еще в темноте насаживать на крючки извивающихся упругих червей и, напрягая глаза, вглядываться в полумраке на поплавки, забывая обо всем на свете от восторга, когда солнце поднималось над противоположным берегом, как будто ночевало там в темных и прохладных ветлах.

Теперь все это забыто и город забыт... Она сквозь тонкое вибрирующее стекло смотрела на улицы, на проезжавшие по ним автобусы, на людей, всегда спешащих куда-то; она выбирала одного из прохожих и мысленно приказывала ему или остановиться, или повернуться и посмотреть на ее окно, или вообще перейти на другую сторону улицы. Иногда это получалось, но совсем нечасто, поэтому она разлюбила эту игру и только изредка вспоминала о ней. Как раз сегодня ее приказу остановиться подчинился человек в долгополом пальто и серой шляпе. Он шагал размашисто, быстро, но когда она послала ему мысленную команду остановиться, он как будто налетел на препятствие, встал, как вкопанный, и долго недоуменно озирался вокруг, не понимая, что его заставило остановиться. И он минут пять торчал на тротуаре под окном Лизаветы, пока она его не отпустила восвояси:

– Свободен!..

Замшелый, безвольный домовой, опустошенный от утрат, много лет живший за платяным шкафом, тоже сочувствовал ей, но, в отличие от кактуса, владел даром предвидения и заранее грустил от предстоящей разлуки с Лизаветой.

Лизавета взяла в руки книгу, лежавшую на подоконнике рядом с кактусом. Оказалось, что это все та же «Веселая наука».

– Зелен ты еще, чтобы читать такое, – сказала она кактусу грустно. – Но если очень хочешь, то послушай еще раз: «Жизнь вовсе не аргумент; в числе условий жизни могло бы оказаться и заблуждение...»

Она задумалась: если жизнь – не аргумент, то смерть и подавно?.. Далеко ли перевозил Харон своих пассажиров, куда спускался Данте?..

Она разволновалась, бросила книгу и направила коляску к входной двери. Где-то за стеной тонкий женский голос завел нараспев: «Ой-ой-ой... среда настала». Она оглянулась – бабушка, в черной кофте, черной юбке, дремала в кожаном, тоже черном, потертом, как комиссарская куртка, кресле. Лизавета вернулась в свою комнату, на листе бумаги написала размашисто, торопясь, чтобы не передумать: «Прости, родная! Я уезжаю... Не печалься, не плачь. Целую, Лизавета».

Она открыла дверь и направила коляску к лестнице: вперед, вперед, без оглядки и сожалений!.. «Мы устроили себе мир...» Разве мы?.. Но как она преодолит страшную гребенку каменных ступеней?.. Как? Скажу только, что и пяти минут не прошло, как Лизавета оказалась на улице – цела и невредима. Оказывается, всегда могут найтись руки, готовые помочь.

Но куда отправилась парализованная девочка в кресле-каталке?.. Да и возможно ли это вообще?.. Погибнет, пропадет, растворится без следа на огромной равнодушной земле?

...Моторчик жужжал, и коляска катилась по тротуарам, переезжала через асфальтовые полотна дорог, регулировщики движения отдавали Лизавете честь, постовые тоже козыряли, вежливо помогали преодолевать подъемы, встречные женщины грустно улыбались, а одна старушка положила на колени девочке сдобную булку, как будто знала, что путешественнице дорога предстоит нелегкая и неблизкая... И никто не спросил: далеко ли ты, милая? Так много забот несем мы в себе, так много переживаний, так устало смотрят наши глаза на мир, что нам невозможно уловить, утишить боль чужую... Или все-таки возможно?..

Хватились бабушка внучки, да поздно. Где ее искать?.. Приехали сыщики, перевернули дом вверх тормашками, нашли письмо Лизаветы, долго рассматривали его в увеличительное стекло, подробно допрашивали бабушку, льющую слезы, и затем бросились в погоню на рычащих автомобилях с мигающими огнями и быстро скрылись из глаз. Но разве известна им дорога, по которой может отправиться девочка, уставшая от одиночества и неподвижности?.. Заповедная земля, где ты?..

Глава четвертая

Игнат

*Над горою солнце встало,
С неба яблоко упало,
По лазоревым лугам
Покатилось прямо к нам!
Покатилось, покатилось,
В речку с мостика свалилось,
Кто увидел – не дремли,
Поскорей его лови!*

...3-1; 1-6; 1 – 11; 3-4; 2-4; 1-3; 1-6; 1 – 18; 1-2; 1 —20; 2-4; 3-4; 4– 10; 1-1; 1-6; 2-1; 4-5; 4– 10...

Это случилось давным-давно, в самом конце голодных послевоенных годов, когда Игнат записался в авиамодельный кружок. Ему нравилось, что там мастерили самолеты, которые умели реветь моторами и летать высоко-высоко, выше крыш. Самолеты эти были даже лучше настоящих, потому что их можно было держать дома. Подвесить под потолком на суровую нитку, и они всегда будут в полете и всегда перед глазами. Как будто ты летишь рядом с ними.

Он хотел также записаться в судомодельный, ему нравились корабли, которые назывались красиво – «линкор», «крейсер», «тральщик»... А как звучало – «эскадренный миноносец»!.. Но ему сказали, что это разные стихии, их смешивать нельзя. Надо было выбирать – самолеты или корабли – и он выбрал самолеты, хотя думал, что воздух и вода – только продолжение друг друга, ведь даже назывались они океанами – воздушным и водным, и оба были «бескрайними»... Но он подумал, что воздушный океан все-таки бескрайнее, чем водный, и стал ходить в авиамодельный.

Ему дали чертежи самолета, фанеру и лобзик, и он стал выпиливать элероны – лонжероны, закрылки – оказывается, в самолете было костей и косточек больше, чем в самом огромном доисторическом динозавре. Потом ему дали напильник, и все эти самолетные кости и косточки – занозистые и шершавые – он превращал в полированные, почти мраморные на ощупь. Затем в работу пошли лак, клей, картон, специальная ткань для обтяжки крыльев – перкаль – и постепенно возник самолет. Теплый, живой, пахнущий, как и руки, клеем, лаком и почему-то чуть-чуть хлебной горбушкой.

Мотор ставился в последнюю очередь. С ним было немало мороки – не перелить бензина, правильно закрепить винт... Но время полета приближалось... Дюжина заноз вцепилась в его руки, пока он строил самолет, сто ссадин и порезов получил он, но это ничего не значило по сравнению с приближающимся стартом.

За неделю до полета пришли ребята из радиотехнического кружка и предложили установить на его модели радиоуправление – так понравился им его самолет. И было чему нравиться – полутораметровый размах крыльев, устремленный в полет фюзеляж, мощный, сверкающий никелем, мотор. В кабине машины – фигурки летчиков в кожаных шлемах, с планшетами на боку, маузерами в деревянных кобурах – на всякий случай. Фигурки летчиков он придумал вырезать сам, в чертежах их не было.

Все восторгались новым самолетом, говорили: «как настоящий», а Игнат подумал, что, доведется, – он и настоящий построит, дело теперь знакомое.

Первый раз решили запускать модель на берегу Чагана, в старом парке. Там было специальное место, такая огороженная металлической сеткой площадка – наподобие манежа, только больше.

Стоял светлый сентябрьский день, небо после дождя было синим и бездонным. Народу собралось много – и свои авиамodelисты, и радисты, и просто набежало зевак с улицы Чаганонабережной. Всем интересно посмотреть на почти настоящий самолет, тем более что не самим же лететь, не самим рисковать и нервничать. На площадке часты были аварии, ломались фанерные крылья, разбивались истребители и бомбардировщики, разваливались на части планеры и воздушные змеи – и все привыкли к этому, как к дармовым развлечениям. И если тарелка репродуктора иногда трагически сообщала о том, что где-то разбился самолет, и проводятся поиски его «черных ящиков», то представлялись порванные бумажные крылья, перекошенный фанерный остов, стоит опять взяться за лобзик, сварить свежего столярного клея – и опять отправятся в небо деревянные фигурки пилотов в кожаных шлемах, с маузерами на боку.

Мотор нового самолета завелся сразу, резкий металлический треск перекрыл возбужденные голоса моделлистов, зевак. Радисты принялись включать-выключать свои передатчики-приемники, нажимать разноцветные кнопки, но самолет не откликался на их невидимые команды. Наконец главный радист нажал какую-то самую важную кнопку, и самолет, промчавшись по асфальту манежа, взмыл над парком и сразу стал маленьким, сравнимым с воронами, которые тут же принялись злобно орать на чужеродную птицу.

Главный радист протянул Игнату пульт управления:

– Тумблер влево и вправо – повороты, красная кнопка вперед, зеленая вверх... Это для закрылков...

Игнат осторожно взял в руки пластмассовую коробочку с кнопками и тумблерами, нажал легко на зеленую кнопку, и самолет послушно стал задира́ть нос, он щелкнул тумблером – самолет пошел по кругу... Машина, рассекающая сентябрьское пространство над Чаганом, беспрекословно слушалась хозяина.

– Влево и вверх! – и пилоты с револьверами принялись за фигуру высшего пилотажа.

– Вниз и вправо!

– Вперед и вверх!..

Пилоты творили воздушные чудеса. Под крылом проплывали то столетние дубы, то речная излучина с эскадрой водных велосипедов на ней, то рыжие крыши домов прибрежных улиц. Вороны пытались пикировать на аппарат, но летчики отбились от них, паля из маузеров, и те трусливо отступили.

– На первый раз хватит, будем сажать самолет, – сказал главный радист и, взяв пульт, стал нажимать кнопки посадки. Однако у летчиков были иные планы. Мотор затрещал отчаяннее, самолет принялся набирать высоту и вскоре превратился в точку – сияющую дневную звездочку.

Руководитель авиамodelного кружка, бывший истребитель Харитон Харитонович, недрогнувшей рукой сбивавший вражеские самолеты, метался по асфальту манежа и кричал:

– Куда? Куда? Сейчас же назад!..

Его широченные штанины развевались серыми стягами.

Однако пилоты не расслышали его приказ и взяли курс на город. Уральск, зажатый между Уралом и Чаганом, надвигался на самолет Золотой церковью, домом Карева, Макаровой мельницей.

– За ним! За самолетом! – закричал истребитель Хари тон Харитонович и бросился в седло своего велосипеда. – Если на крышу какую-нибудь сядет – ни в жисть его не найдем! А в нем одной аппаратуры!..

Тут некстати одна из его парусящихся брючин попала в предательскую зубчатку велосипеда, и Харитон Харитонович грохнулся оземь. Густой авиационный мат смешался с летными командами:

– Пропеллер его подери! Догнать! Найти!..

У Игната велосипеда не было, он бегом кинулся в сторону города. Мелькнули деревянные скамьи стадиона, парашютная вышка, водочный ларек у стены ликеро-водочного завода... Он обогнал «Победу», выехавшую из ворот завода, догнал полуполторку, груженную дровами, – шофер поаплодировал ему, дескать, «ну ты, мужик, даешь стране угля, хоть мелкого, но много!», пролетел мимо школы, построенной на месте старого Ильинского кладбища, вернулся на Большую улицу – слева осталась Золотая церковь, впереди показались горбы каревского дома. Где-то здесь, по его подсчетам, мог приземлиться самолет.

У стен знаменитого дома вилась очередь, в которой томились в основном женщины, но был и один мужик, с заскорузлой, как пятка, мордой. Он старательно отворачивался от прохожих, вдруг знакомые заметят, что он стоит в бабской очереди.

– Сичку дают! – сказала дама в белых туфлях на босу ногу и сама себя поправила: – Ситец то есть. Расцветка богатая, шикарная расцветка...

– Хоть на кофточки, хоть на наволочки – везде сгодится! – подхватила другая, в черных туфлях и белых носках.

– Товарищи женщины! – звонко обратился к ним Игнат. – Товарищи девушки! Может, кто-то из вас видел самолет, он сюда полетел?..

– Самолет! Сюда! На головы рухнет! – взволновалась очередь, но никто своего места не оставил – ситец был тогда почти по цене жизни.

– Бабы! – вдруг заголосил заскорузлый мужик. – До чего дожили – банбандировщики на мирное население насылают, бежим отсюда!..

Но сам, подлец, и не собирался убежать, а, воспользовавшись паникой, хапнуть побольше сички, хотя на дверях магазина висело объявление, где на чистом русском языке было написано: «Сичка артикула 1690 отпускается в одни руки не более пяти метров, сатин артикула 3407 отпускается до десяти метров включительно». Заскорузлый был известный в городе враль и забулдыга, он ситец брал для перепродажи, спекулянт и пьяница. Органы за ним следили. А может, он следил для органов, было и такое подозрение.

– Бежим! – еще раз завопил он, и с дюжину баб попавшихся на его удочку, пустились наутек. А заскорузлый ближе подвинулся к прилавку.

– Видел я твой самолет, – сказал он Игнату. – Небольшой такой, да? Трехместный, верняк?

– Небольшой... Не очень большой...

– Зеленый такой, военный?..

– Да нет, не зеленый, – растерянно проговорил Игнат, – только немного зеленоватый...

– А я что говорю! – горячо продолжил заскорузлый. – Они и вчера тут, суки, кружили, высматривали... Им сверху, знаешь, как видно все! Человек, он в высоту для чего рвется? Для того, чтобы больше рассмотреть всего такого, чего с земли никогда не увидишь. Я вот в среду на голубятню залез, а там высота смешная – пятнадцать метров, шестнадцать с половиной от силы. Так глянул вниз и обомлел, в окне, как на экране видно, – Ирка из двадцать второй квартиры голая в ванной сидит, а мужик ей спину мочалкой шоркает... Ты скажешь, что ничего тут интересного нет, каждый мужик – дай ему волю – стремится бабе спину пошоркать... Я не спорю, ты прав. Но дело в том, что мужик-то, который Ирку мыл, был совсем из другой квартиры, не из двадцать второй, а, кажется, из тридцатой... Вот теперь представь, какая у них видимость с самолетов – всю нашу жизнь, как в кино, разглядывать можно. А если что не так, если не понравилась кому эта строго контролируемая жизнь – пулеметом по нему с головокружительной высоты!.. Они нынче и на километр, и на пять километров поднимаются, и даже на десять километров!.. И страшно представить, чего они рассматривают через стратостаты!.. Через корабли безвоздушного пространства!..

– Что вы такое говорите? – сказал Игнат. – При чем здесь безвоздушное пространство?..

– Очень даже при том, – ответил заскорузлый, но голос приглушил. На всякий случай. – Безвоздушное пространство повсюду, оно везде, и его бескрайность пока не измерена – прибор не хватает, а воздушное пространство по сравнению с ним – крошечная капелька в бескрайнем море...

– Я только про самолет спрашивал, если видели...

– Ничего я не видел! – рассердился заскорузлый мужик и отвернулся от Игната.

– Женщины, самолета не видели? – опять обратился Игнат к очереди.

– Я, кажись, видела, – откликнулась продавщица, отмерявшая сичку. – В уборную выходила, а он как раз протарахтел над головой. Да какой-то потешный, маленький, как будто игрушечный... Так они с земли все игрушечными кажутся... Но мужиков в шлемах кожаных я разглядела. Один уж больно гожий – чернявый, усатый, рукой мне помахал!..

– Рукой помахал? – удивился Игнат. Продавщица не ответила, скосила глаза, дескать, в этом направлении полетел – на закат.

Игнат заглянул во двор каревского дома, там пучилась еще одна очередь – за сахарным песком. Здесь кружилась дюжина мальчишек, предлагающих себя в сыновья и внуки женщинам, стоявшим в очереди, – для получения двойной нормы – и требующих за это пригоршню песка. Мальчишки даже на вид были клейкими от сахара.

– Пацаны, самолет здесь не пролетал?

– Ераплан, ераплан посади меня в карман!.. – завопил один из мальчишек, самый клейкий.

– А в кармане пусто, выросла капуста!.. – подхватили остальные. Игнат понял, что от них он ничего не добьется, и направился к дому с колоннами, который иногда здесь называли домом Мизиновых, а спроси – почему так называют – не знал почти никто. Не было в доме жильцов с такой фамилией, не было и поблизости таких. Даже и не слышали такой фамилии. По-другому дом называли «офицерским» или «домом с колоннами», хотя и офицеров в нем жило не густо. В основном отставники. После войны скороспелых фронтовых капитанов да майоров было хоть пруд пруди, их увольняли в запас толпами, кто в военруки подался, кто в ДОСААФ устроился, кто спился. Вот таких отставников полно было в доме с колоннами.

– Пойдите, молодой человек! – окликнули Игната. Он оглянулся – сухонькая старушка вся в черном – в черной юбке, черной кофте, черной шляпке. Так Игната до сих пор никто не величал, в лучшем случае говорили: «пацан», а чаще – «эй, мальчик!» Только в школе учителя называли по фамилии – «Иванов, к доске, Иванов, тебе законный неуд, Иванов, не вертись на уроке, как юла!» А тут: «молодой человек»! Да еще на «вы»!

Он остановился.

Черная старушка подошла к нему почти вплотную, наклонилась к его уху.

– Только говорите, пожалуйста, тихо! Лучше вполголоса! – таинственно прошептала она. – Нельзя показывать свою заинтересованность...

– Заинтересованность? – переспросил он.

– Ну да, – сказала она и оглянулась. – Не следует открыто демонстрировать свои намерения... Может последовать ответное противодействие... В этих местах, где открытые разломы времен, ничего нельзя хотеть – обязательно не сбудется... Или сбудется с точностью наоборот.

– Вы самолет не видели? – повторил он в сотый раз за день. – С бензиновым моторчиком?

– Видела, как раз видела! – сказала она. – Он, скорее всего, на крыше типографии, примыкающей к дому с колоннами...

– Вот спасибо вам! Мигом заберусь, достану... Лишь бы не разбился...

– Да, лишь бы с ним не приключилась эта беда!.. Только будь осторожен, помни о разломах... Бумажные крылья непрочны... Но тебя должны выдержать...

– Не бумажные, а перкалевые...

– Ладно-ладно, – согласилась старушка. – Только не забывай, о чем я тебе говорила!..

– Ну конечно, не забуду – о разломах, обрывах, кручах и пропастях...

Он захохотал и побежал под арку – поднялся по каменным ступеням лестницы, ведущей в сумрачный дом Мизиновых, но не стал заворачивать в коридор, заставленный велосипедами, примусами и шаткими столиками, а двинулся прямо – прямо и вниз – в итоге лестница привела его во двор, окнами в который выходило офицерское ателье, где шили самые лучшие галифе, гимнастерки, могли и гражданские костюмы – шевиотовые и бостоновые. Однажды Игнату тоже повезло, мать сумела договориться, чтобы ему пошили и китель, и брюки военного фасона, и потом где-то она раздобыла военную фуражку, кирзовые сапоги. Было Игнату тогда лет пять, и вся улица завидовала ему, впрочем, недолго. За то лето он так вытянулся, что китель еще с грехом пополам можно было носить, а брюки, пошитые даже и с запасом, пришлось продавать. А заодно продали и китель... Говорили, что форма ему очень шла, что надо бы отдать Игната в суворовское училище, но мать и слышать об этом не хотела: хватит нам офицеров, все глаза проплакали из-за них. Это она намекала на отца Игната, который в войну хлебнул лиха – и ранен был не раз, и в окружение попадал, и пропадал без вести, а вернулся с фронта – таскать его стали в двухэтажный дом на Советской: «Как ты выходил из окружения, с кем выходил, с оружием в руках выходил, с партбилетом в кармане или бросил винтовку и товарищей, и драпал без оглядки? Или еще чего хуже – завербован был фашистскими зверями?..» Отец воевал храбро и кое-как сумел отбиться от этих вопросов, но нет-нет, да вызывали его в двухэтажный дом, причем всегда норовили подгадать к ночи, чтоб, значит, волновался больше, проникался сознанием важности этого вызова. А вместе с ним чтоб проникались и его родные. Чтоб не было им покоя ни днем, ни ночью. Так что, если они все-таки со шпионской начинкой, то скорее выдадут себя под утро, часика в три-четыре, потеряют вражескую бдительность...

Шпионской начинки в отце так и не нашли, но особенно ходу не давали – ни в начальство, ни в депутаты какие-нибудь – ни-ни! Да что там, оказалось почему-то, что и жилья ему никакого не положено, кочевали они всей семьей по чужим углам – жили за занавесочками, ширмочками, в протекающих мансардах, кривых мазанках. Потом отец и мать устроились в типографию, и сердобольная директриса Клавдия Васильевна позволила им поселиться в комнатке, отгороженной от конторы – это одна фанерная стена – и цинкографии, где кислотой травили фотографии, – это вторая фанерная стена. Здесь они устроили деревянный широкий топчан, на котором спали отец с матерью, и еще один топчанчик – для Игната. Отец сделал стол, деревянный ящик с дверцами – для посуды, другой ящик – поменьше – для продуктов – перловой крупы, подсолнечного масла, собирался сделать еще несколько табуреток, но не собрался. Но удобно было сидеть и на деревянных ящиках из-под матричного картона, особенно после того, как мать сшила из лоскутков и ваты небольшие тюфячки, которые подкладывались на жесткие деревянные сиденья. Директриса и сама жила с семьей в полутора комнатках, отгороженных от конторы с другой стороны. Правда, у нее в доме было три стула и старинная этажерка, на которой лежали альбом с фотографиями, шкатулка из фанеры, оклеенная мелкими речными ракушками, и вторая шкатулка, оклеенная открытками с пионами, розами и тюльпанами.

Отец со временем не то, чтобы сломался – сник, стал как будто меньше ростом, все реже надевал пиджак с орденами, говорил с усмешкой: «Больно тяжелы...». А потом стал загуливать. То на рыбалку на три дня уезжает, то на охоту – чуть не на неделю. А если никуда не уезжал, то раньше полуночи никто его и не ждал. То колодец забивали старому фронтовому другу, то крышу перекрывали – тоже какому-то неведомому другу, то автобус сломался... А если иногда он проводил вечер дома, то места себе не находил, шатался из угла в угол, придирался к каждой мелочи. Мать тогда говорила: «Вместе тошно, врозь скучно»... А однажды она застала его с лучшей своей подругой. Собрала ему чемодан, все самое необходимое, проводила как на курорт. Сколько раз потом он хотел вернуться назад с этим чемоданом, ни разу она непустила

его даже на порог... Поэтому она была против суворовского училища, да и Игнат тоже не горел...

Во двор офицерского дома выходили и окна типографского клуба. Иногда наборщики и печатники разгибали усталые спины, выключали свои наборные и печатные машины и шли смотреть головокружительные фокусы, слушать чарующую игру на двуручной пиле, подпевать нахальным частушкам. Концерты эти артисты давали бесплатно, но не безвозмездно, чаще всего за ускорение производства афиш.

Во двор типографии можно было попасть через ворота, иногда закрытые на огромный ржавый замок (почему все замки ржавые?), или перемахнув через невысокий забор, рядом с которым для облегчения задачи стоял огромный деревянный ящик для мусора.

Игнат так и поступил: залез на ящик, с него на забор и попал в типографский двор. Он понятия не имел о каких-то непонятных разломах, о которых говорила черная старушка, но знал отлично, что в этой части города, среди нагромождения старинных домов, высоченных кирпичных стен, заборов, сараев, складов, не только самолет может потеряться – целый воздушный флот. Игнат забрался на жестяную крышу типографии по небольшой приставленной лесенке.

На всякий случай подтянул лестницу за собой – пригодится. По необъятной громыхающей крыше двинулся в сторону типографских складов. Печные трубы, мачты с телефонными проводами делали крышу похожей на старый, давно выброшенный на берег корабль.

На одной из труб сидел человек. Игнат знал его, это был Бочаров. Имени у него, кажется, не было, он был философом. На крышу забирался, чтобы читать книги. Здесь никто не мешал. Иногда его мать – тетя Маруся – кричала ему снизу пронзительным голосом:

– Бочаров, быстро домой! Каша остывает!.. Быстро!..

Он редко откликался, но кашу есть приходил. Книг у него было огромное количество. Целые холмы, горы книг.

Жили Бочаровы в электрическом подвале офицерского дома, в котором не было ни единого окошка, только ниши с подоконниками в полутораметровых стенах. Ниши так хорошо имитировали окна, да еще тетя Маруся повесила на них беленькие марлевые занавески, что редкие гости тянулись руками к «окнам», пытались их распахнуть. Гости не могли сразу осознать, что находятся ниже уровня земли и много ниже уровня моря. Вот именно поэтому здесь всегда горели стоваттные электрические лампы. Этот подвал был даже описан в нескольких романах местного писателя – Виктора Иванова. Как деталь нелегкого житья-бытья пятидесятих годов. Бочаров знал об этих книгах, но не читал их, пока не попадались. Кстати, Игнат приходился маститому писателю дальним родственником, мать говорила, что седьмая вода на киселе. Игнат тоже не читал романы, но слышал, что ничего умного в них нет, только нудное описание одного и того же... Кто-то говорил, что пишет он про одних и тех же людей, из одного и того же города, из одного и того же двора, как будто весь свет клином сошелся на этом дворе, как будто этот двор и есть весь свет. Кто поймет этих писателей, думаешь, что они должны раздвигать границы мира, показывать, что творится за горизонтом, куда наш слабый взгляд не проникает, а они, наоборот, как будто боятся пространства, смотрят в подозрную трубу с другой стороны – как бы навыворот, и люди кажутся карликами, столетние дубы саженцами, а земля чуть больше чайного подноса.

Если пройти по крыше офицерского дома вправо, то можно попасть на крышу двухэтажного дома, на одной стене которого заметна старинная надпись «Номера», а с нее легко было перебраться на здание дома пионеров, в котором была тогда большая библиотека. Время от времени библиотека избавлялась от старых, поврежденных или неугодных книг. Несчастные книги связывали в огромные пачки, и грузчики выносили эти пачки во двор, сваливали их на асфальт. Проходил не один час, пока за ними приезжал грузовик, а иногда даже скрипучие телеги, на которых их увозили куда-то за город, кажется, сжигали. Тут надо было не зевать,

и Бочаров не зевал. Пока книги валялись во дворе, он успевал затащить на крышу несколько пачек. Грузчики только приветствовали этот разбой, ведь он убавлял им скучной, пыльной и тяжелой работы. Они смеялись и называли его Академиком. Академик хранил книги на необъятном типографском чердаке, иногда и ночевал около своих сокровищ, устроив среди пачек удобную лежанку. Летом через чердачные окошки было так светло, что можно было читать едва ли не до полуночи, а в лунную ночь еще дольше. Тетя Маруся не одобряла этих ночевок – до дома подать рукой, надо на родной подушке ночевать, но поделаться ничего не могла, только ворчала:

– Виданное ли дело, среди бумажной пыли спать! Среди бактерий типографских. Там ведь половина народу, в типографии этой, свинцовой зависимостью хворают...

Об этой страшной зависимости она знала по зловещим слухам. Говорили, что человек с течением времени становится на девяносто восемь процентов свинцовым, хоть грузила из него отливай, и Бочаров очень рискует, находясь почти постоянно на типографской крыше. Когда он спускался иногда поесть каши, тетя Маруся присматривалась к нему – не наливаются ли тело сына свинцовой синевой? Пока Бог миловал. Но однажды синева залегла под левым глазом Бочарова, да такая густая, что тетя Маруся попыталась отщипнуть кусочек этого ядовитого металла. Бочаров заорал благим матом. Не знала несчастная мать, что он подрался с дворником из Дома пионеров, который пытался воспрепятствовать затаскиванию очередных пачек на крышу, и дворник, тренированный в боях за порядок на улицах, сумел засветить более хилому Академику.

– Видел, видел твой самолет, – сказал он Игнату. – Через арку тебе надо, но там кирпич осыпался, легко можно угробиться!..

– Почему осыпался, я не так давно там проходил – все было цело?

– Когда-то все было цело и невредимо, – сказал Бочаров. – Но рано или поздно все ветшает и в итоге рассыпается. Этим стенам – вот той – двести, а этой – триста лет, их время проходит... Скоро все развалится, а уж эти дома – самыми первыми!..

– Да ладно! – не поверил Игнат. – Так уж и развалится?.. Все-все?.. Столько лет стояло, не падало, а теперь вдруг возьмет и развалится?..

– Ну, может, оно и не само развалится, а кто-то или что-то ему поможет... Нет ничего вечного, это ты понять можешь?..

– А я матери своей верю, которая говорит, что вечна моя лень...

– Шутник малолетний! – огорчился Бочаров тому, что молодой еще совсем человек обратил серьезный разговор в глупую шутку. Вот такое оно подрастающее поколение – ни серьезности у него, ни жизненных целей!.. И книг не читают...

Бочарову было за тридцать, он считал себя стариком.

Игнат пошел к арке, по которой можно было пробраться на соседнюю крышу, но каменная кладка свода арки, как и говорил Бочаров, разрушилась, образовалась как бы пропасть шириной метра в полтора. Можно было попытаться перепрыгнуть через нее, но Игнат опасался, что при прыжке свод совсем развалится и лететь тогда вниз с пятиметровой высоты.

Он вспомнил про лестницу: не зря он затащил ее на крышу. Бегом вернулся к стене офицерского дома, где оставил лестницу; в это время тетя Маруся завела свою кашеварную песню:

– Бочаров, быстро домой! Каша остывает!..

Тот, как всегда, не откликнулся, но стал собираться.

Игнат подхватил лестницу и двинулся к разваливающейся арке, как на штурм. Бочаров остановил его:

– Если что, не переживай, я матери твоей все объясню... Она у тебя и терпеливая, и понятливая... Это лучшие человеческие качества...

Вообще-то Бочаров терпеть не мог женщин, особенно молодых. Если, случалось, к ним с тетей Марусей заходила какая-нибудь женщина, соседка сверху – с первого этажа или даже со второго – за солью или луком, то когда она уходила, Бочаров немедленно нес табуретку, на которой она сидела, а стульев у них отродясь не водилось, к колодцу и долго там тер ее мочалкой с мылом.

– Ненормальный! – говорила тетя Маруся. – Не видать мне внуков...

Игнат удивленно посмотрел на Бочарова:

– А чего мне переживать?..

– Вот и я говорю – не переживай... Хочу тебе один секрет открыть перед расставаньем...

Ты что, уезжаешь?..

– Пока нет, но на всякий случай... Может, ты уедешь?..

– Вообще-то я самолет ищу... – попытался Игнат увильнуть от секрета Бочарова.

Но тот твердо удержал его:

– Не улетят без тебя...

– Ладно, только по-быстрому, а то у тебя каша остывает... Холодная она в глотку не лезет.

– Горячая – тоже, – сказал хмуро Бочаров. – В общем, хочу я тебе подарок сделать, вот держи...

И он протянул Игнату почтовый конверт со множеством наклеенных на него марок – и пальмы были на марках, и ленины, и электростанции, и прыгуны с шестом – на любой вкус картинки.

– Ой, не нужны мне всякие письма, мне некогда читать-писать! – испугался Игнат. – К соревнованиям надо готовиться по авиамоделльному спорту...

– Ты возьми, не отказывайся... Никто тебя сейчас ни читать, ни писать не заставляет, сунь письмо в карман, а придет время – вспомнишь о нем... Только не потеряй.

Игнат уставился на конверт, ничего не понимая. Конверт как конверт, довольно затрапезного вида, как будто его подкладывали под сковороду с жареной картошкой.

– Это знаменитое письмо счастья, ему двадцать шесть тысяч лет, – сказал Бочаров.

– Похоже, такое засаленное, – согласился Игнат.

– Оно найдено, а точнее сказать явлено на месте, где открыты разломы времен, которые некоторые называют разломами судеб, – с торжественными нотками в голове продолжил Бочаров.

Игнат вспомнил черную старушку:

– Я уже сегодня слышал об этих самых разломах-переломах...

Есть такие места на земле, где в узлы собраны все ниточки... называй их как хочешь – разломами, переплетениями, соединениями...

Так что это за ниточки? – потерял терпение Игнат.

– Те самые, на которые мы все привязаны, как живцы на закидушках, и мечтаем, чтобы клюнула самая завидная судьба... Дерни за нужную ниточку, и все переменится...

– А при чем здесь это письмо?

– Мне дал его для тебя Самойл, который считается главным у людей, живущих в старых дымоходах... Видел когда-нибудь их?

– Видел, – вспомнил он бледные лица, горящие в темноте глаза, совершенно неслышную походку этих низкорослых, негромких людей, редко выходящих из своих укромных обиталищ. Они никогда не показываются посторонним, но Игната и Бочарова не опасались, неизвестно почему, может, думали, что те рано или поздно присоединятся к их свободолюбивому племени. За своих принимали Игната и Бочарова и люди чердаков и подвалов.

– Ну и что этот Самойл? Ну и что этот конверт? – Игнат подумал, что Академик никогда не закончит свой несвязный рассказ.

– Письмо это исполняет все желания... Только раз в восемьсот лет показывается оно людям, и обычно требуется переписать его от руки тысячу двести раз и отправить его по стольким же адресам – и все, что попросишь, – сбудется. Но если письмо обнаруживается в таком месте, то нужно просто приписать к нему свои желания и бросить в нужный почтовый ящик... Все, что захочешь, обязательно сбудется. Обязательно!.. Пожелаешь богатства – получи полные сундуки, захочешь любви – хоть захлебнись в ней!.. Это заповедное письмо счастья, понял?

Игнат вспомнил о ящиках из-под матричного картона, на которых они с матерью сидели дома, и сказал Академику:

– Да, неплохо было бы мне разбогатеть!.. Я купил бы матери четыре стула и диван... И комод... И обои в цветочек... Можно такое?..

– В том-то и дело, что можно! Наконец ты понял...

– Заливаешь, дядя?! – как можно больше иронии постарался вложить Игнат в свой вопрос, но в иронию эту помимо его воли вкралась и надежда.

– Зачем мне заливать?..

– Так разбогаей сам, купи стулья, купи этажерки для книг!.. Раскладушку купи!..

– Я бы с большим удовольствием, только письмо твое именное, посмотри, что на нем сверху написано: «Игнат, не бойся преград!..»

– Игнатов на свете много...

– Говорю тебе – именное. Зачем мне врать... Самойл сказал, что оно давно тебя дожидается... Другим Игнатам, наверное, припасены другие конверты... Где-нибудь есть и мое... только пока не нашлось, да и найдется ли?.. Говорят, что не каждому дано загадывать судьбу... А твоя – вот она, бери, живи, как напишешь...

– Сейчас, сейчас! – крикнул он вниз тете Марусе, продолжающей призывать его к тарелке с кашей.

– А про себя я вот что тебе скажу... Я тысячу книг прочитал, но посмотри, какие это книги? Выброшенные, покалеченные, с вырванными страницами. За последние десять лет я ни одной книги от начала до конца не прочитал – то начала нет, то из середины выдраны страницы, то из эпилога – и всегда обрываются мои книжки на самом интересном месте... Неинтересные места не вырывают... Яне знаю, чем кончилось дело в «Капитанской дочке» – хорошо ли все сложилось у Гринева? А Швабрин получил ли по заслугам? А Пугачев, Пугачев в итоге победил?.. И за Анну Каренину переживаю – не случилось бы с ней худого!.. А Воланд со свитой убрался из Москвы?.. Не в наш ли город?.. А не можешь мне сказать, выздоровела Патриция Хольман?.. Ах, не читал?..

Он задумался на минуту, продолжил:

– Хочу тебя попросить, когда будешь чего-нибудь загадывать, не поленись добавить всего одну строчку про меня – чтобы мне доставались целые книги – хоть потрепанные, хоть с загнутыми страницами, но целые, со всеми главами, со всеми предисловиями и послесловиями!.. Добавишь эту строчку, а? Что тебе стоит?..

– Так давай, я прямо сейчас и напишу эту строчку! – сказал Игнат. – Чего тянуть? И себе тысяч десять попрошу, нет – двадцать пять!.. Огрызок карандаша в кармане найдется...

Не торопись. Сначала нужно найти, где расположен этот почтовый ящик, а потом уже и загадывать. А где он находится – в какой стране, в каком краю, в каком городе или деревне? – никто не знает... Я слышал, что на каком-то острове... Так что придется тебе, малец, поплутать по свету... Но когда время придет писать желания – поймешь, что оно пришло, не ошибешься.

Игнат махнул рукой: что поделать, если выпадет плутать?.. Кто в жизни не плутал? Он ни на минуту не поверил придумке Бочарова с этим засаленным конвертом, но выбрасывать его не стал: все-таки вдруг не зря черная старушка толковала о всяких разломах? Чего только в жизни не бывает!

– Ладно, я пошел! – он поправил лестницу на плече и двинулся дальше по крыше.

– Пока! – сказал Бочаров. – Возвращайся скорее...

Он не произнес этого вслух, но ему вдруг показалось, что кто-то расслышал эти слова. Тонкий слух у этого «кто-то»... Игнат подошел к разрушающейся арке, небольшой лестницы едва хватило, чтобы перебросить ее через образовавшийся провал. Он осторожно ступил на эти ненадежные мостки, из-под ног полетело кирпичное крошево, он сделал еще шаг, деревянная лестница затрещала; он не успел испугаться – прыгнул и легко оказался на другой стороне каменного обрыва. Лестница же соскользнула с рассыпающейся кирпичной кладки, секунду балансировала на своде арки и рухнула вниз. «Как же теперь возвращаться?» – мелькнуло у него в голове, но он отогнал эту мысль, как будто возвращаться не собирался. Почему?

Он прошел по крыше типографского клуба, потом – склада, второго склада и вышел к высоченной кирпичной стене, подтянулся на руках и оказался на самом гребне стены – весь квартал оказался как на ладони. Осторожно ступая, он прошел метров двадцать и оказался на краю еще одного кирпичного каньона – здесь тоже старинная кладка оказалась разрушенной, причем провал был не менее трех-четырёх метров и нечего было думать перепрыгнуть через него, да еще на такой высоте. Между тем, Игнат был уверен, что еще несколько дней назад, как и в первом случае, никакого провала здесь не было. «Как будто отрезают мне все пути, – подумал он и усмехнулся: – Полная чепуха, кто все это может предусмотреть, а главное – кому это нужно?..»

Оставался один путь – идти по черепичной крыше кладовой столовой национальных блюд, но черепица была в таком состоянии, что лучше было бы пробираться по минному полю. Но выбора не было – он спустился на крышу кладовой. Черепица трещала, казалось, что вот сейчас он полетит вниз – на огромные грязные кастрюли, мешки с проросшей картошкой, разбитые столы, безногие стулья. И тут он заметил на крыше нечто наподобие квадратного люка, черневшего ржавым железом на фоне серой черепицы. Он осторожно подошел к люку – вход охранял крошечный замок, наверное, таким замыкали некогда матросские сундучки. Замок как бы приглашал сбить его. Никогда прежде не видел Игнат этот люк, впрочем, и не приглядывался особенно. Он дернул замок, и тот тут же открылся, а может, только притворился закрытым.

Игнат попытался открыть люк, он тоже легко поддался. Он заглянул в образовавшийся сумрачный проем и увидел, что внутрь ведет узенькая металлическая лестница. И совершенно коротенькая – ступенек пять-шесть – и упирается эта матросская лесенка в деревянный настил, выглядевший древним, трухлявым. Игнат спустился на него, предательски скрипнули доски, ему показалось даже, что весь настил повело куда-то в сторону. Он вцепился руками в прохладные поручни, но доски удержались. Глаза привыкли к темноте, и он рассмотрел, что настил, на котором он стоял, – это некое подобие узкого деревянного балкона или галереи, протянувшейся вдоль старинной кирпичной стены. А внизу как раз и громоздились старые кастрюли, погнутые противни, волглые мешки со свеклой, всякая гадость из дешевой столовой. Наверное, снизу эта галерея под самой крышей была незаметна, воспринималась как обычное переплетение бревен и досок, да и кто будет таращить глаза, высматривать хоть что-то в этом хаосе стрений, стен, заборов, проходов и арок, всего того, что накопил дряхлеющий город за последние четыреста лет, а может, и больше?..

Игнат двинулся по балкону, доски под ногами кряхтели, прогибались. Паутины было столько, что казалось – сейчас набросятся со всех сторон злобные пауки, стерегущие эти заповедные края, и выпьют всю кровь до капли. Пауки решили не трогать его, и он благополучно добрался до конца галереи. Она упиралась в дощатую дверцу, закрытую на стальной крючок. Из-под двери пробивались неровные полосы света. Игнат открыл крючок, толкнул рукой дощатую преграду. И зажмурился от потока солнечных лучей. Он стоял на крыше какого-то приземистого строения, за которым простирался огромный заасфальтированный двор. Ни

этого строения, ни этого двора он прежде никогда не видел, чудо, да и только! Как могли они скрываться среди этих каменных теснин?.. Бывает ведь такое!..

В центре двора стоял самолет, пилоты располагались рядом со своей крылатой машиной, курили, пересмеивались. Слов их не было слышно из-за тарахтения мотора, но видно было, что настроение у авиаторов прекрасное. Да и могло ли быть иначе – погода летная, горючего полные баки, рядом надежные товарищи – душа так и просится в полет!

Пилоты заметили Игната, принялись махать ему руками, дескать, мы здесь, давно ждем тебя.

Один из них, чернявый, усатый, стройный, затянутый в кожу, перепоясанный ремнями, перекричал мотор:

– Командир, сюда! Все по местам!

Авиаторы растоптали папиросы, поправили портупей и, придерживая маузеры, полезли в содрогющееся нутро самолета.

Игнат легко спустился с крыши, пошел к самолету. Навстречу ему чернявый ударил по асфальту строевым шагом, доложил звонко:

– Экипаж к полету готов! Машина исправна, синоптики дают «добро»!.. Отлично!..

Игнат положил ладонь на крыло; тонкая и прочная перкаль была теплая и чуть-чуть шершавая.

«Пора!» – подумал он, и сам удивился этому: куда? Почему пора? Однако отвечать на эти вопросы ему совершенно не хотелось. Или ответ был известен давно?..

Он вспомнил Бочарова, который обещал объяснить все матери Игната. Выходит, он знал о том, что Игнат отправится в полет с этими бравыми авиаторами?.. И черная старушка у дома Мизиновых намекала на полет, говорила, что крылья его выдержат... Нет, не зря она про разломы эти самые толковала...

Чернявый, гожий летчик, так понравившийся продавщице, протянул Игнату парашют:

– Дорога дальняя...

Все знали, что дальняя, а к соседям-то можно пешком или на велосипеде.

Игнат протиснулся в кабину. Мерцание приборов, подрагивание стрелок, сияние крошечных лампочек – пора, пора...

– Вперед! – скомандовал Игнат, и в эту самую секунду во дворе появился вихрем мчавшийся велосипедист. Бывший истребитель Харитон Харитонович. Как раз успел!

– Стой! – закричал он. – Не смей без меня! Без меня!.. Стой!

За секунду до разбега самолета Харитон Харитонович оказался на борту. Взревел двигатель, и помчались мимо крыла мусорные ящики, забытая кем-то зеленая полуторка без колес, бочки с карбидом, сваленные у какого-то склада, – все, что в изобилии водится во дворах, – заброшенное, никому не нужное, ржавое и перекошенное – непонятно что. Все это промелькнуло за секунду и провалилось вниз, наклонилось, закружилось – и самолет, промчавшись над бурыми крышами покидаемого города, потянулся кверху, к облакам, где и место таким могучим машинам.

– Точно я попал! – радовался Харитон Харитонович. – Куда курс держим?

– Только вперед! – повторил Игнат.

– Ты командир, тебе виднее, – не стал спорить бывший истребитель.

А Игнату вдруг стало грустно, он вспомнил мать, подумал, найдет ли нужные слова для нее Бочаров, успокоит или, наоборот, заставит лить слезы? Что с него взять, не прочитавшего до конца ни одной книжки?..

Игнат украдкой вздохнул: прости, милая, мамочка. Так надо!.. Надо?

А самолет плыл над неширокой ленточкой Урала, отражался чайкой в зеленоватой воде, отражение атаковали ненасытные жерехи, пытаясь сбить его мощными обмахами. Вслед за ними поднимались из сумрачных глубин под корягами гигантские сомы, провожая самолет

взглядами крошечных глазок... На заливных лугах в траве по пояс звенели литовками косцы, махали руками вслед воздушным путешественникам, кричали: «В добрый путь!..»

«Мы вернемся, обязательно!..» – сами собой в ответ шептали губы Игната. Но никто это не слышал.

Только вперед!..

Глава пятая

Данила

*Раз, два, три, четыре —
Меня грамоте учили:
Не считать, не писать,
Только по полу скакать.*

...2–3; 1–2; 1 – 13...

Когда-то Данила знал, что земля плоская, и она была плоской, и держалась на трех китах, старых, добродушных, страдающих под тяжестью ноши, от глобального потепления, загрязнения Мирового океана.

На плоской земле было удобно жить. Никуда не закатывались мячи и блестящие металлические шарики, которые и были его единственными игрушками в детстве. Да еще, пожалуй, кубарь, такая деревянная юла, которую запускали рывком коротенького ремешка, а потом подстегивали, заставляли крутиться почти бесконечно. Кубарь на плоской земле чувствовал себя замечательно, иногда он вращался с такой скоростью, что, казалось, замерев, стоит на месте и только переливается, плывет на его боках разноцветный узор. На плоской земле не было и никакого притяжения, Данила часто летал над нею и нисколько не боялся высоты.

Плоскость была хороша и в драке, она никому не давала преимущества, и бой был честен. Всегда побеждала справедливость, торжествовала правда, если, конечно, противник не брался за свинчатку.

Потом земля стала круглой, и куда-то задевались все мячи, шарики, кубарь больше не стоял на месте, а норовил закрутиться в темный угол и, наконец, исчез там. Круглая земля не давала стоять на месте, все время подталкивала: шагай, шагай, не стой на месте, ищи!.. И Данила ходил и однажды нашел старинные весы, этакое металлическое коромысло с крюком посередине. Весы были странные, их нельзя было уравновесить. Причем, когда на железные плечи весов не подвешивали никакого груза, они пребывали в полном равновесии. Данила нагружал на плечи весов одинаковые килограммовые гири, и равновесие тут же нарушалось. То перетягивала правая гиря, то левая – и так бесконечно. По ржавому металлу капризного прибора шли какие-то таинственные знаки, будто арабские. Данила попросил перевести надпись старого казаха – Миртая, который не признавал никакого жилища, кроме юрты. Юрту он поставил в самом центре села еще до рождения Данилы, сыновья и снохи давно предлагали старику хороший дом, начальство – квартиру на пятом этаже крупнопанельного дома, все завидовали таким предложениям, но Миртай отказывался, говорил: вся вселенная устроена, как моя юрта, зачем мне бросать ее?.. Странный был старик, не как все...

Миртай долго вглядывался в надпись на весах, закрывал глаза, как будто дремал, потом сказал:

– Мне этот язык незнаком, но здесь написано, что равновесие устанавливается не весами, если оно есть на земле...

Данила удивился, как же Миртай перевел надпись, если не знает этого языка?..

Жизнь потом сложилась так, что Данила нашел много странных вещей, как будто он притягивал их, а может, так оно и было? Вещи были всюду: в степи, что открывалась сразу за селом, в маленьком покосившемся магазинчике на позабытом хуторе, на чердаке собственного дома... Он иногда думал, что эти вещи сами искали его. Он складывал их сначала в большой шкаф, оставшийся от бабушки, потом вещи стали загромождать весь дом... И он почему-то знал, хотя не в книжках это вычитал, не по радио услышал, что все эти вещи были когда-то незаменимыми для людей, что расстались они с ними вынужденно, не по своей воле, и мечтают

их вернуть, ищут их, но как им найти эти пыльные сюртуки, старинные книги, тяжелые подсвечники, связки писем, потускневшие портреты, пистолеты с отсыревшими зарядами, давнишние векселя, утерянные завещания?..

Он думал иногда, что, может быть, и родился для того, чтобы помогать находить утраченное, однажды показавшееся людям незначительным, ненужным, но обернувшееся вдруг самым дорогим. Как часто бывает такое в жизни!..

Данила родился в большом и богатом селе. Раньше в нем было два церковных прихода, и по праздникам все верующие уместались в храмах, молились, просили хорошего урожая, благодарили за дождь, если он бывал, поминали своих умерших, желали им царства небесного.

Новая власть, нагрянувшая с красными знаменами и пятиконечными звездами, церкви закрыла, в одной устроила клуб, во второй склад отходов. Часть народа разбежалась, часть померла, а остальным деваться было некуда, стали жить, как новая власть велела, сидеть на собраниях, плясать в самодеятельности и работать от зари до зари. И потихоньку село окрепло, не так, как прежде, но все-таки оправилось, ожило. Запели опять по утрам петухи, замычали коровы, люди знающие стали поговаривать о том, что и церкви откроют. Ну не обе, конечно, а одну... Слава Богу!..

Было это задолго до рождения Данилы. Однажды собрались женщины, те, кто постарше, смелее, и отправились к самому высшему районному начальству, которое сидело в двухэтажном оштукатуренном доме, разъезжало на «газике», а седьмого ноября кричало на площади торжественные лозунги.

Начальство выслушало женщин, не прерывало, не делало ненужных замечаний. А просили они открыть церковь, и громче всех Лукерья – бабушка Данилы.

– С Богом в душе, конечно, живем, – говорила она, – как же иначе?! Но без храма нелегко человеку!..

– Этот вопрос будет решен, – хмуро заверило женщин начальство, они не поверили, но делать нечего – отправились восвояси. Безбожное было начальство. А наутро они все пропали, а вместе с ними и старый слепой звонарь, доживавший свой век в глиняной мазанке, пару подслеповатых окон которой смотрели на старую церковь. Больше никто их не видел. Люди осторожно интересовались: куда же они подевались, куда?.. Может, они власти понадобились, но зачем?.. У власти вона какие молодцы мордастые, с револьверами, петлицами, для чего власти старухи?.. Какой с них прок, кормить зазря?.. И тогда кто-то тихонько сказал: на Остров подались, не иначе. Есть такая земля, где всем хорошо и никто никому не мешает. Хочешь пить – пой, желаешь плакать – пожалуйста, там нет ни голода, ни запретов...

Кто-то даже название земли той вспомнил – Беловодье... Беловодское царство... Хотя потом приезжали ученые лекторы и объясняли, что такого царства нет и быть не может, что все это выдумки, наука давно доказала невозможность существования этого царства, но в селе только укрепились в своей догадке: именно туда добралась-таки Лукерья с бабами. Там и поселились и по сей день здоровы. Вот ведь как, сколько мужиков искали туда дорогу, а не нашли... Сотни лет про то царство люди баяли, и вот случилось...

А однажды Даниле приснилось, что едет он по тенистой лесной дороге на странной тележке. Телега, в общем, самая обычная, только доверху набита старыми вещами, а странное то, что едет она сама по себе. Никто ее не тянет, не толкает, а небольшой гривастый конек легко бежит рядом... И дальше снилось ему, что выезжает он из леса и видит большой деревянный мост, а перекинут он через широченную реку, а может, и через само синее море, а на другом берегу чудесный город, светлый, открытый... Он сразу понял – вот оно, Беловодье!.. Так ясно привиделся ему город этот, что разглядел он даже название одной из улиц – как будто Бархатная... И будто бы Данила пошел по этому мосту, по его теплым доскам, и так хорошо ему было идти, как будто ждало его впереди самое чудесное чудо...

Данила проснулся и стал размышлять. И чем больше думал, тем больше убеждался: сон не обманной, верный... Конечно же, город с Бархатной улицей есть!.. Не в нем ли живет его бабушка Лукерья?.. И разве не может телега катиться сама по себе? Если земля сейчас круглая, то нужна только хорошая смазка для колес, чтобы силу трения преодолеть, да и колеса на резиновом ходу, а потом толкни слегка телегу – и поедет она, не угонишься за ней!..

С телегой хлопот не было. Сельский кузнец почти задаром отдал, на легких колесах со стальными надежными спицами; гужевой-то транспорт кому теперь нужен? Все на мотоциклах, машинах, а сено на тракторе возят...

А вот смазку Данила долго подбирал. Остановился на топленом сливочном масле. Не успел смазать ось, как экипаж рванулся, еле удержал его. Данила даже не очень удивился – для того и существуют законы природы, чтобы служить людям.

Одним солнечным утром он загрузил в телегу свои находки, уложил их тщательно – пригодятся. Людей-то по свету много, может, кто и признает свои потери? – и он тронулся. Чтобы от зевак не отбиваться, не вести бесконечные технические споры с новаторами движения, впряг для виду в телегу молодого конька и поехал.

И куда, куда только человек рвется?.. Дорога неведома, припасов съестных никаких... А случатся волки, лихие люди, чем отбиваться?.. Нет, не разумом живет человек, не точными расчетами, а чем?.. Чем?.. Родился, крестился, учился, родители думали, что в люди выйдет, может, в летчики, а может, и на должность станет, но над ним дорога взяла силу, заколдовала, увела, должно быть, навсегда...

Месяц ли, год ли ездил на своей телеге Данила, менял старье на старье, выспрашивал верный путь, нужные координаты. Находились люди, которые будто бы сами бывали в Беловодье, даже книжки об этом написали, но дорогу подзабыли, память не держит мелочей, а может дорога та заколдована?..

Однажды подсел в телегу к Даниле усталый, хмурый мужичок. С виду непрост, очки на носу, а одежка старая, тертая временем, непогодой. Ехали вместе не день, как-то у костра, за кашей с салом, мужичок разговорился. Оказалось, старый яицкий казак, большой ум, но отвергнутый, гонимый. А Даниле как раз он и нужен был. Земля сама сводит нуждающихся друг в друге. И рассказал он Даниле историю, хранимую яицкими казаками, которых прежде повелели называть уральскими, а ныне, говорят, и вообще их как будто нет. А они есть и не забыли о Беловодье. Потому что в стране той все по правде делается, чинится по справедливости. Правда это, или брехня, но потомки казаков верят этому. Тоска по казачьим вольницам не прошла. И поэтому ищут они, который уж век, заповедную землю, где царила бы благодать, где «истинная вера порождает истинное благочестие».

Вспомнил Данила, что где-то в телеге есть у него книжка, как-то вечером листал он ее: «Путешествие уральских казаков в „Беловодское царство“». Покопался в телеге и она, как будто ждала своего часа, легла на ладонь – небольшая совсем книжица, писанная неким Хохловым. Данила протянул ее старому казаку. Тот увидел, обрадовался ей, как старой знакомой:

– Как же, как же, произведение Григория Терентьевича, читали... А предисловие к ней написал сам Владимир Галактионович... Это тоже кое о чем говорит...

Он помолчал с полминуты, продолжил с прежней горячностью:

– Сердцем чую, что есть такая страна... Не дурнее нас люди были... Верили, да как верили! Скажешь, темные были?.. Нет, как раз просветленные... Ты любую вещь старинную возьми – глаз на ней радуется! Дома строили – до сих пор стоят, часы делали – идут точнее нынешних, книги писали, так одно слово – классики!.. Так почему же многие думают, что с Беловодьем они маху дали?.. Спросишь, так почему благодатная земля по сей день не открылась?.. Ан, не знаю, не скажу, может, греха на нас много... Вот казаки поручали специальным делегатам заниматься поисками, меч тали, чтобы все Уральское войско со временем могло туда

переселиться... Но куда только не уводили казаков дороги, а все пока не вывели к нужному месту. Но земля эта близко, она есть... Ходим мы вокруг да около нее...

Старый казак часами мог говорить о Беловодье, горячился, норовил сорваться в спор, а Данила его и не очень слушал, иногда улыбался про себя: ведь катится же куда-то его телега? Не туда ли?..

Однажды Данила спросил:

– А вот найдете свое царство, туда все подадитесь?.. Тот долго молчал, смотрел на загущающий огонь, потом сказал:

– Может, кто и подастся, а большинство не тронутся никуда...

– Как же так? – поразился Данила.

– Притерпелись люди... А кроме того, нельзя превращать надежду в дом, шубу, город, страну... Вдруг в доме протечет крыша, а шубу потратит моль?.. А если в городе, не дай Бог, опрокинется трамвай или заведутся крысы?.. А на страну обрушится неурожай, завладеет ею недобрый царь?.. Что ж тогда станет с мечтой?.. Искать тогда другое царство?..

– Но ты ведь идешь в Беловодье?..

– Я иду, – только и ответил он. – Так ведь и ты туда идешь... Больше скажу: мы все, не успеем родиться, а уже начинаем искать для себя другое место – чтобы теплее в нем было, чтобы хлеба вдоволь, чтобы ветра и снега в лицо поменьше...

– Как тебя звать, человек? – вдруг точно ударило Данилу.

– Из Хохловых мы, а зовут меня Егорием...

– Не из тех ли? – удивленно спросил Данила. Казак в ответ только улыбнулся.

Глава шестая

Кони на балконе

*...Раз, два, три, четыре, пять
– я иду искать...
Раз, два, три, четыре, пять,
Шесть, семь, восемь, девять, десять,
Царь велел тебя повесить...*

..А– 10; Б;4–3; 5–8; 4–2; 3 – 13. (2– 11;3–2; 3–1; 3–2; 4 – 10; 3–3; 2–5; Н).

Саша был космонавтом. Правда, не из тех, которые в крошечных капсулах мчатся над Землей, разглядывая планету в бронированный иллюминатор, и все время боятся нажать не на ту кнопку, потому что кнопок и рычажков ровно четыре с половиной тысячи. Саша входил в экспериментальную группу, занимающуюся дальним космосом, проблемами перемещения в пространстве со скоростью света и выше скорости света. Значительно выше этой скорости. Считалось, что никакое материальное тело не может достигнуть скорости света, но Сашины коллеги только смеялись, их опыты доказывали обратное. Они научились забрасывать различные предметы на расстояния в тысячи световых лет. Сначала отправили в район Малого Магелланова облака вымпел из лучшей нержавеющей стали (Саша ухитрился сделать себе из такой стали ножик для рыбалки, вечный), на котором крупными буквами написали разные научные данные, координаты Солнечной системы, а буквами чуть помельче имена ученых. Это на случай встречи с инопланетным разумом. Было там и Сашино имя. Потом такие вымпелы забрасывали в другие галактики, туманности и звездные скопления. Но ответа не было. Ученые ломали головы: то ли инопланетяне не могут разобраться в посланиях, то ли не хотят связываться с землянами, то ли все еще проще – нет никаких инопланетян и живем мы в бесконечном пустом, мертвом мире, в котором дрожит на ветру под солнечными лучами одна живая пылинка – Земля?

Потом группа отправила в одну крабовидную туманность, где как будто в спектральном анализе мелькнула вода, кассеты с музыкальными записями, уверяя себя и правительство, которое должно профинансировать отправку, что язык музыки универсален, понятен всем разумным существам.

– Вы уверены, что там есть разумные существа? – уточнило правительство.

– Не уверены, но надеемся, – ответили ученые. – Если есть вода, значит, есть и жизнь...

Или со временем разовьется...

– Вы думаете, они из этой туманности нам ответят? – в правительстве были очень настырные люди. – Вы обратный адрес на кассетах указываете? А то послушают музыку и этим огранчатся...

– Адрес есть: Млечный путь, Солнечная система, планета Земля, до востребования.

– Какую все-таки музыку будете отправлять? – спросило правительство. – Моцарт, Чайковский, Бетховен?..

– Всего понемногу... И цыганские романсы – на любителя, и «Валенки» Лидии Руслановой, и шедевры Леннона, и наигрыши самодеятельного виртуоза-балалаечника Иванова, сына писателя Иванова, того самого...

Правительство одобрило программу, особенно балалаечника, и кассета была удачно запущена в крабовидную туманность. В ответ ни слова, ни одной музыкальной ноты, ни диеза, ни бемоля.

Правительственные эксперты все больше склонялись к неутешительному выводу: мы одиноки во Вселенной.

Тогда решено было отправить к звездам коллекцию репродукций всемирной живописи, включая образцы высокой эротики. Леонардо да Винчи, Рембрандт, Гойя, Ренуар, Гюстав Курбе с его «Началом мира», Василий Сумароков, Альберт Гурьев и еще тринадцать тысяч восьмьсот тридцать два художника были удостоены чести представлять Землю в глубинах Вселенной.

Но и высокое искусство не пробудило галактический разум. Оставалось одно – послать туда человека, пусть разберется на месте, наладит полезные контакты, завяжет по возможности дружеские отношения.

Но существовали некоторые преграды на пути осуществления этого дерзкого проекта. Дело в том, что любой, перемещаемый на такой безумной скорости предмет, достигая скорости света, превращался в пучок фотонов, в луч, растянутый на расстояние от земли до нужной галактики. Иначе говоря, вымпел ли из нержавеющей стали, кассета ли с «Двойной фантазией», репродукция ли «Начала мира» превращались в специальном фотонном трансляторе в электромагнитные колебания, которые, преодолев пространство, вновь становились исходными предметами. По сути дела, на время путешествия материальное существование тела временно прекращалось. Для «Начала мира» это, наверное, было не очень страшно, а что будет с человеком, которому предстоит на время стать лучом света?..

Была и другая проблема. Расстояние до некоторых галактик составляло сотни тысяч световых лет. Значит, даже двигаясь со скоростью светового луча, путешествовать придется многие тысячи лет. Друзья Саши – башковитые ребята – легко решили и эту задачу, сумели во много раз перегнать скорость света. Но тут выяснилось, что перегнавшие время, скорее всего, окажутся в далеком прошлом. Может случиться, что им придется возвращаться, если, конечно, придется, за много веков до своего рождения. Общая теория относительности в послесветовых скоростях, оказывается, работает наоборот. А может, и не наоборот – доказать или опровергнуть это сможет только человек. При личном свидании с далеким космосом. В распоряжении космонавта будут две попытки броска: одна в дальний космос, другая – назад.

И еще, существовала опасность, что миллионы и миллионы ватт энергии, которые потребуются для осуществления задуманного, могут пробить брешь в пространственно-временном континууме, то есть нарушится непрерывная совокупность главных составляющих пространства. Во Вселенной образуется разлом, в котором причинно-следственные связи – пустой звук. Трудно представить, что тогда может произойти. Через эту прореху в наш мир могут попадать дикие для нашего сознания предметы и существа; ученые предполагают, что в некоторой части Вселенной в ходу треугольники с четырьмя и более углами, у них в окружности не триста шестьдесят градусов, а значительно больше – до четырехсот. Представьте теперь их геометрию, а равно и архитектуру. Крыша там может быть полом, а стены крышей. И это самое безобидное. А что скажете вы о бомбах, которые сначала взрываются, а потом только их начинают собирать на специальных заводах? Вспомните, как образовалась Вселенная, – в результате большого и, видимо, целенаправленного взрыва, так почему таким путем не может образоваться бомба?

А как вам улитки-гепарды, акуловидные русалки, бабочки размером со стадион?

Времена, эпохи, эры могут перетасоваться, как старая затрепанная колода карт. Понятия «сегодня», «вчера», «завтра» потеряют свой смысл, что, в общем-то, происходит уже сейчас, и это позволяет предположить, что где-то в бесконечном мире уже существуют такие разломы.

Так это или совсем по-другому – мог решить только смелый эксперимент. В общем, потребовались добровольцы.

Собралось много всякого народа: состарившиеся у костров пионеры-тимуровцы, уставшие чужие интересы ставить выше своих собственных; энтузиасты, всегда готовые хоть экспериментальные таблетки глотать, хоть босыми по битым пивным бутылкам ходить, хоть заниматься любовью под микроскопом; искатели приключений, засыпающие на ходу, потому что во сне им снятся алые паруса, скалы на берегу океана, пираты в сюртуках, залитых кровью

и мадерой; авантюристы, за жизнь не произнесшие ни слова правды, но готовые отправиться за тысячи верст, услышав в трактире бородатый анекдот про белый Остров на белой воде... Много приходило самоубийц, решивших, что стать лучом света – лучший способ свести счеты с жизнью. Отбою не было от мужей, мечтающих скрыться – хоть в самой враждебной галактике – от своих половин. Настойчиво просился в отряд космонавтов старичок ста шести лет от роду, говорил, что ему позарез надо в прошлое, где он еще в тридцать восьмом году должен был набить морду одному уроду, да вот не набил, а тот в результате да-а-а-а-л-е-к-о-о-о пошел, много крови попортил добрым людям. Правда, в комиссии по отбору космонавтов старичку сказали, что морды бить надо в свое время, мордобой задним числом не приветствуется, да и дороже выходит. Один чудака уверял, что ему знакомы многие межгалактические наречия, но проверить это не удалось – не сыскалось второго специалиста. Косяком шли изобретатели всего на свете, вровень с ними – писатели и журналисты, глаза и уши земли нашей. Приходил узнать условия запуска – подъемные, суточные, ну и все такое – один поэт, слагающий стихи для песен (между прочим, очень популярный – его «Гори, гори, не потухай» вошла в мировую антологию золотых застольных песен). Кстати, поэта сразу зачислили в отряд, и здоровье у него было подходящее, и родни никакой.

Кстати, насчет родни было очень строго. По инструкции, в первую очередь зачислялись в галактический отряд люди одинокие, не обремененные многодетными семьями. Дело было вселенского масштаба, и никто не хотел осложнять его надрывом расставаний, истошными криками баб, зачисляемых во вдовы при живых мужьях, хныканьем детей: «Папа, привези мне железную дорогу, ты обещал железную дорогу, ну, папа, не забудь про железную дорогу!...» Особо опасались, если об эксперименте узнает телевидение – там белое превратят в фиолетовое, устроят танцевальное шоу «Звезда с звездой говорит», затеют бесконечный, как сама Вселенная, сериал «Мой любимый луч света», на ста пятидесяти телевизионных каналах поселятся ученые головы, объясняющие, что перемещение со скоростью света невозможно, что человечество обречено стариться вместе с Землей, разделить ее судьбу; идея межзвездных перелетов только отвлекает от реальных проблем, между тем как глобальное потепление грозит вторым всемирным потопом...

Молодоженов рассматривали как исключение, проводили с ними долгие собеседования.

Отклоняли предложения всех, кто старше тридцати, даже беспросветно одиноких. Все космонавты должны иметь приличный запас жизненных сил, они им понадобятся и в непредставимом далеке, и особенно по возвращению. Все кандидаты проходили специальное персональное тестирование, заполняли анкеты, в которых было ни мало ни много, а шестнадцать тысяч триста семьдесят вопросов. Саша заполнял свою анкету полтора года, подчас изумляясь дотошности вопросов: за какой партией сидел в школе, какое любит мороженое (если любит), сочинял ли в восьмом классе стихи (если сочинял в девятом, то не указывать), сколько раз без отдыха переплывал в детстве знаменитую речку Чаган?..

Все зачисленные в группу давали строгую подписку, что идут на смертельный риск добровольно, что готовы к выполнению задания в любую минуту, что обязуются не жениться, что будут все относящееся к отряду хранить в строгой тайне, ну и, конечно, что не состояли, не сочувствовали, не привлекались.

Межгалактический центр обосновался на Свистун-горе, откуда видны были и Меловые горки, и пойма Урала, и сам город, в объятьях трех рек. Глубоко под землей разместились научные лаборатории, где гениальные ученые испытывали время – и на разрыв, и на сжатие, и на прочность, и даже сопротивляемость агрессивным химическим соединениям. В этот центр на вершине горы добровольцы должны были подниматься только пешком или на велосипедах, что было одним из испытаний, потому что далеко не каждому это было по силам. Инструктор по комплексной межгалактической подготовке Ипатий Ильич рассказал как-то, что дав-

ным-давно на месте центра была старинная сторожевая башня. Столетия назад здесь стерегли землю, теперь пытаются присматривать за космосом.

В итоге зачислили семьсот семнадцать человек, которые сразу же приступили к усиленным тренировкам. Они учились ориентироваться на местности, выживать в пустыне, лесу, среди льдов, отрабатывали приемы карате, джиу-джитсу, фехтования на шпагах, двуручных мечях, бились на алебардах, стреляли из арбалетов, доводили до совершенства мастерство верховой езды, знакомились с биографиями королей, герцогов и даже менестрелей. Пробовали на вкус средневековую брагу, медовуху, заучивали рецепты пива, сливовицы, портвейна и вермута. Ученые почти не сомневались, что возвращение первого межгалактического космонавта произойдет в четырнадцатом или пятнадцатом веке. А может, и еще раньше. А может, и вообще не произойдет, может, легко распавшись на фотоны, люди затем превратятся в куски неживой мерзкой протоплазмы или их световая составляющая, вернувшись на Землю, попадет в тела коров, лошадей, обезьян, а вдруг вообще космонавты останутся блуждающими потоками света, как кометы?..

– Вы не просто космонавты, вы предтечи грядущего единения Вселенной! – говорил им инструктор по комплексной межгалактической подготовке Ипатий Ильич. – Через трагедию собственных судеб вам выпало право на великое познание...

Инструктор любил красивые слова, но космонавты понимали – это от полноты чувств и неумения просто сказать о великом.

– Вы покинете Землю, но не покинете мир, – напоминал он им, – вы узнаете то, что не было дано до сей поры никому...

– Без сожаления готовитесь к этому неслыханному научному подвигу? – спрашивал он у них, и сам отвечал:

– Конечно же, с сожалением, как иначе? Прекрасен наш мир, но вы сознательно жертвуете им ради науки... Земля не забудет эту вашу жертву...

После этих его слов шестнадцать человек покинули межгалактический отряд, сославшись на недомогания, занятость и невыплаченные долги.

– Вселенная покорится только людям с крепким духом, – сказал Ипатий Ильич. – Мы никого не держим. Наоборот, хорошо, что отсеваются нестойкие и сомневающиеся...

После этого отряд не досчитался еще трехсот двадцати человек. А один ушел, сказав, что космос – это вообще отвод зрения, на самом деле там ничего нет, ничего...

Ученых, между тем, тревожила еще одна проблема, очень непростая: как передать межгалактическую информацию, ведь если космонавт, вернувшись, попадет в глухое Средневековье, то как современные ученые узнают, с чем он прилетел? Разрабатывались различные хитроумные методы передачи, например, написать сообщение нестираемой краской на пирамидах в Египте, или из базальтовых плит где-нибудь в горах выложить гигантское слово – если мы не одиноки во Вселенной – «Да!», если никто так и не встретится в глубоком космосе, то – «Нет!». Современные ученые обнаружат эти чудеса света и все поймут. Миссия будет выполнена. Предлагались и другие способы: внести красноречивые вставки в тексты старинных книг, понятные расшифровщикам двадцать первого века; создать литературный шедевр, лучше всего стихотворный эпос, чтобы его передавали из поколения в поколение... Порешили на том, что странники во Вселенной будут стараться использовать все возможности донести свою информацию до современников.

Разведчики Вселенной усиленно тренировали память, в далекий космос вместе с ними невозможно было отправить никакой аппаратуры – ни фотоаппаратов, ни видеокамер, ни даже простых записных книжек с карандашами. Да что там – им предстояло отправиться в путь без одежды; ученые пока не научились забрасывать в галактические пространства одновременно с живыми существами и всякие приборы, снаряжение. Или человека, или приборы, а вместе – ни-ни! Ничего не поделаешь, такой закон природы. Поэтому предполагалось, что память

должна стать одним из главных инструментов установления космических контактов. Спросят инопланетяне: как у вас дела с математикой, физикой, химией? А им в ответ Бином Ньютона, правило буравчика, закон Ома, Таблицу Менделеева – знай наших!.. Они насчет культуры, конечно, поинтересуются, а им наизусть «Преступление и наказание», «Под сенью девушек в цвету», «Лолиту»...

Саше досталось досконально выучить творчество Пушкина, знать и жизнь поэта. Для многих такая тренировка памяти была обузой, а Саша только обрадовался. Ему и прежде про Пушкина было все интересно...

Особое внимание было уделено лингвистической подготовке. Руководством межгалактического эксперимента было решено, что базовым должно стать знание курсантами шестнадцати языков, не возбранялось, если двадцати или даже сорока. Учили во сне, под глубоким наркозом, в барокамере и в центрифуге... Результаты были поразительными. Саша суахили выучил за день, английский за пару часов, с американским провозился полдня...

Само собой, группа была совершенно секретная. Мегасекретная. Каждый документ после прочтения нужно было сжечь, а пепел развеять на ветру. Если ветра не случалось, то нужно было для развеивания подниматься на самолете на высоту не ниже четырех тысяч метров. В общем, подготовка была нелегкой, но зато какой научный прорыв готовился учеными! И Саша был первым кандидатом на первый бросок.

Саше очень хотелось отправиться в космос. Он еще в детском доме решил, что должен в жизни совершить что-нибудь героическое, о чем заговорят все. Буквально все – и в городе, и в мире.

И в том числе физрук Николай Иванович, который всегда с усмешкой вызывал его подтягиваться к турнику и потом с такой же усмешкой говорил:

– Будем считать, что один раз ты подтянулся. Столько же будет и баллов – один.

– Кол! Кол!.. – орал счастливый класс.

И в том числе Настена из параллельного класса, которая даже в домашних тапочках умеет ходить так, что все думают, что она на каблучках.

И в том числе Митяй Митрясов, с которым старались водить дружбу даже старшеклассники, который не боялся ничего на свете, кроме насмешек, но посмеяться над ним мало кто решался.

И в том числе, даже в первую очередь, его мама, которую он никогда не видел, но всегда знал, что она есть... Пусть она услышит о нем, пусть!..

Его не очень страшило расставание с Землей, не может ведь в космосе быть хуже, чем в строительной общаге, в которую он попал после детдома, а главное, он ни на минуту не сомневался, что вернется; не может такого быть, чтобы не существовало способа быстрого и точного перемещения во Вселенной. Если есть Вселенная, то есть и способ ее постижения. А если этот способ существует, то к моменту его возвращения башковитые ученые обязательно откроют этот способ.

Но, конечно, иногда ему становилось немного грустно. Он вспоминал, как однажды они вместе с параллельным классом ходили в поход, ночевали на берегу тальниковой речки Деркул, а днем ловили в ней огромных зеленых раков, похожих на броневики. Ловить этих неуклюжих чудовищ было очень просто, достаточно было на конец совсем недлинной нитки привязать кусочек мяса, добытого из ракушек, которых было в Деркуле огромное количество, или хвостик малька – и забросить эту приманку в воду. Не успевала она опуститься на дно, как в нее одновременно впивались мертвой хваткой клешни нескольких раков. Оставалось только потихонечку подтаскивать к себе обитателей глубин и, подведя в воде под них ладонь, пытаться схватить их. Правда, это не всегда удавалось, раки пускали в ход свое устрашающее оружие, больно щипали руки, но меньше чем за час удалось наловить полное ведро, и уже мальчишки принялись собирать хворост для костра – славная могла получиться пирушка, но Настена улу-

чила момент и отпустила всех раков назад в Деркул. Мальчишки до того разозлились, что хотели ее поколотить, но не поколотили. Если честно сказать, то совсем немногим хотелось участвовать в приготовлении раков, наблюдать, как те заживо погибают в кипятке. Поэтому ругали Настену скорее для порядка и на ужин с удовольствием трескали тушенку с макаронами.

А потом сидели у костра, и физрук Николай Иванович растягивал меха перламутрового аккордеона, и все негромко пели песню, почему-то казавшуюся невообразимо грустной: «То березка, то рябина, куст ракиты над рекой, край родной, навек любимый, где найдешь еще такой, где найдешь еще такой?..» И огонь костра отражался в перламутре аккордеона и аккордеон казался раскаленным: плесни на него водой из Деркула – и он зашипит... «От морей до гор высоких, посреди родных широт, все бегут, бегут дороги, и зовут они вперед»...

Саше вспоминалось, как в седьмом классе они писали сочинение «Моя улица». Считалось, что это сочинение на свободную тему, учительница по русскому языку и литературе Песня Сольвейг (и почему ее так прозвали, ведь на самом деле она была, кажется, Лидией Семеновной?) думала, что в этой теме большой простор для фантазии, ведь всего в одном квартале пролегла Главная улица, а по ней в свое время гуляли и Пушкин, и Лев Толстой, и Алексей Толстой, да что там далеко ходить – гулял и Виктор Иванов, писатель, путешественник, знаменитый филуменист; рядом была и Чапаевская улица, где когда-то размещался штаб дивизии Василия Ивановича, – много хорошего и поучительного можно было написать, если подойти творчески к этому заданию. Но семиклассники все поняли неправильно. Если все они живут на одной улице, то и описывать должны ее – Дмитриевскую – решили они. А что можно хорошего написать про эту узенькую, темную, колдобистую улицу?

Саша долго сидел над тетрадкой, в голову лезли почему-то одни прилагательные: окаянный, деревянный, оловянный, стеклянный... Он написал: «В нашем замечательном городе есть замечательная...». Подумал чуть-чуть, и слово «замечательная» зачеркнул. Подумал еще и зачеркнул все остальное. Но вспомнил строгие глаза Песни Сольвейг и придумал улицу не существующую: «Моя улица, может быть, называется Мандариновой, потому что мандарины бывают на Новый год, самый лучший праздник. Тогда снег становится оранжевым от мандариновых корок. Вот и моя улица праздничная, хорошая улица. На ней много акаций, сирени, по весне все здесь расцветает и улица становится похожей на сад... У меня полно друзей, мне с ними интересно, летом мы вместе ходим на рыбалку...» Саша поколебался с минуту и дописал: «А скоро я поеду на Черное море, в Сочи».

Даже самому себе не мог он объяснить, для чего написал эту последнюю строчку. Пытаться на весь детдом захотел? Кого-то разжалобить? Но разве он здесь один такой?..

Он знал все это, но твердо вывел в тетрадке эту свою строчку...

Оказалось, что почти весь класс писал про вымышленные улицы. Песня Сольвейг на другой день сказала об этом с изумлением и гневом:

– Не ожидала я от вас, не ожидала... Что в гороно скажут? Что у нас в городе нет улиц, достойных ваших золотых перьев, да? А может, скажут, что мы, педагоги, не сумели в вас воспитать любовь к родному городу?..

– Не бойтесь, Песня... Лидия Семеновна, мы никому не скажем, честно! – принялся успокаивать ее отличник Бокашин. – Правда, ребята..

– Правда, правда! – дружно согласился класс. – Можете не сомневаться... Не выдадим!

– Предлагаете мне сговор, да? – возмутилась учительница. – Да как вы смеете!..

Но, кажется, до гороно ничего не дошло. Песня Сольвейг раздала тетрадки, даже не поставив оценок, а только закорючки – «См...» – значит она смотрела.

Только через год Саша узнал, что Настена писала в своем сочинении как раз про узкую, детдомовскую улочку – Дмитриевскую, и начиналось сочинение так: «В нашем замечательном городе есть замечательная улица...».

Саше вспоминалось, как иногда по вечерам он удирает из детдома и бродит по городу. Это категорически воспрещалось, но все старшеклассники, да и ребята помладше, нарушали этот запрет. Он неплохо знал город: что-то в нем притягивало его к себе. Может быть, какие-нибудь его предки жили здесь?.. Директриса детдома как-то рассказала ему, что его нашли в купе вагона скорого поезда, так что место рождения он может себе выбрать практически любое.

Особенно он любил бывать в старом городе – Куренях или в столетних улочках нынешнего центра. Иногда, нырнув под какую-нибудь кирпичную арку, он попадал во двор, в глубине которого виднелась еще одна арка, а пройдя через нее, оказывался в следующем дворе, который продолжался третьей аркой, а за ней чудился еще один двор, и еще один, и еще – и так, казалось ему, до бесконечности; это был мир дворов, стиснутых вековыми домами, мир крошащихся от старости кирпичных стен, чугунных колец, вделанных в эти стены, таинственных сараев, дубовые двери которых замкнуты ржавыми замками, которые не открывались со времен Иканского сражения, – здесь дремала старина, ждали своего часа удивительные открытия, отсюда должны были начинаться неслыханные доселе приключения.

Он стал брать в библиотеке книжки об истории этого города, их там было немного. Ему посоветовали полистать подшивки газет с краеведческими статьями – из них он тоже кое-что узнал, но не все, что его интересовало. Один краевед – старик с седой бородой, с седыми усами – сказал ему, как в волшебное зеркальце глядел:

– В этом городе загадок спрятано столько, что телескопы надо не в небо наводить, а на этот край!.. Пора уже перестать их бояться!..

– А кто боится-то? Кто? – спросил Саша. – Чего бояться того, что прошло давным-давно?..

Краевед только засмеялся в седые усы.

Саша подолгу стоял у пятиметровых старинных стен, нередко ему удавалось прочитать нацарапанные на камне слова, даже целые послания, тогда ему хотелось думать, что это надписи прошлых веков: «Митя и Лера дураки», « Степа, дождись... », «Золотые коронки ставлю», «Для художников краски в цинковых трубочках, цыны дешевья», таинственное «2–6, 2– 12, 2–1, 2–2, 1–3, 2–7, 1–2, 2–6, 1–4, 1–3, 1–2, 1–1, 1 – 4», причем эти непонятные цифры повторялись в нескольких местах. А рядом с этими цифрами поражала и еще более таинственная надпись:

Кони-кони, кони-кони,
Мы сидели на балконе
Чай пили, воду пили,
По-турецки говорили:
Чаби, чаряби
Чаряби, чаби-чаби.

Дурацкую считалочку кто-то старательно – буква к букве – начертал на стене, и, судя по всему, очень-очень давно.

– Чаби, чаряби, Чаряби чаби-чаби, – долго ходил и повторял Саша чепуховские слова; почему-то они запали ему в память.

Но эти воспоминания все-таки не отвлекали его от главного – он в любую минуту готов был отправиться в дальний космос. Но тогда он еще не встретил Дашу...

Как-то, когда подготовка к заброске в галактические дали подходила к завершению, он опять бродил по городу. Пройдя под очередной аркой, оказавшись в очередном дворе, он увидел девушку. Она стояла как раз у той стены, где были эти самые «чаби чаряби». Он подошел к ней и спросил:

– Вы на турецком умеете читать?

Она улыбнулась:

– Нет, я только на чабичарябском...

– Но при чем здесь кони-кони и кто сидел на балконе?

– Наверное, вокруг было много коней, одни только кони, куда ни глянь – кони и кони, и они не знали о том, что на балконе можно выпить чаю, в крайнем случае водицы. При этом, перемежая русские фразы с турецкими, – она взглянула ему в глаза и расхохоталась. В то лето ее лег ко было рассмешить, ей было двадцать, ее счастливая жизнь только начиналась.

– Меня зовут Сашей, – сказал он.

– Ая – Даша, – просто сказала она. – Я здесь часто бываю, мне почему-то старина нравится... Все, что прошло, – реальнее того, что есть и что будет...

– Прошло уже три минуты, как мы познакомились, – сказал Саша, – это уже прошлое, как оно вам?..

Это недавнее прошлое, оно еще не устоялось, – ответила она. – Кстати, тут на стенах много всяких считалочек, как будто кто-то боялся их позабыть... Вот, например: «Эна, бена, раба, Квинтер, финтер, жаба...». А рядом всегда эти странные двойные цифры...

– Точно, а здесь наверху почти поэма:

Жили были три японца:

Як, Як-Цедрак, Як-Цедрак-Цедрак-Цедрони.

Жили были три японки:

Цыпа, Цыпа-Дрипа, Цыпа-Дрипа-Дрипедр они.

Вот женился Як на Цыпе, Як-Цедрак на Цыпе-Дрипе, Як-Цедрак-Цедрак-Цедрони на Цыпе-Дрипе-Дрипедрони.

Вот у них родились дети: у Цыпы – Фо, у Цыпы-Дрипы – Фо-Ти-Фо, у Цыпы-Дрипы-Дрипедрони – Фо-Ти-Фо-Ти-Фо-Тифони.

Вот скончались три японки: Цыпа, Цыпа-Дрипа, Цыпа-Дрипа-Дрипедрони.

А их дети – Фо, Фо-Ти-Фо, Фо-Ти-Фо-Ти-Фо-Тифони и сейчас живут в Японии.

– Никогда не слышала таких японских имен...

– Странная считалка, – согласился с ней Саша. – Они, если разобраться, все странные. Как будто специально в них добавлено абсурда...

– Чтобы были заметнее и не забывались...

Да уж, что-что, а считалки мы запоминаем на всю жизнь, – задумался Саша. – Пожалуй, никакие рифмованные строчки мы в детстве не повторяем так часто, как разные считалки...

– Вот еще одна надпись, – заметила она. – Полный абсурд:

Дюба-дюба-дюба-дюба

Дони дони дони так

А шарли буба

А шарли буба

А шарли буба, буба, буба, буба

А-а-а

Адони мэ

А шарли бэ

Амри

Замри

Эни-бени-рики-таки

Турба-урба-сентябряки.

– Кроме «замри» и «сентябряки» ничего не понятно, – сказала она.

– А «сентябряки» понятно? Что это за штуки такие? – спросил Саша.

– Может, это хорошие дни, которые случаются в сентябре?.. Или медали, которые вручаются гражданам, особо отличившимся в сентябре?..

– Тогда должны быть «октябряки», «ноябряки», «декабряки», «январяки – с печки бряки», – подхватил он эту игру.

– Они наверняка есть! «Августяки», «февральяки», – продолжила Даша. – Но это уже не медали – ордена первой и второй степеней. Звучит как величественно! Августяк первой степени за заслуги перед Отечеством получает...

– А может, «сентябрям» – это просто желтые сентябрьские листья? – предположил он. – Грустные, опадающие, шелестящие под ногами сентябряки?..

– Уж лучше пусть они будут хорошими днями в сентябре, – попросила она. – Грустного и так хоть отбавляй...

– Хорошо! – согласился он. – Тем более, что на дворе как раз сентябрь...

– И день неплохой, – кивнула она.

Потом она говорила ему, что это был самый лучший «сентябряк» в ее жизни.

В тот день они долго гуляли по городу; им и в голову не пришло после обсуждения считалочек вежливо раскланяться и разойтись по сторонам. Не сговариваясь, они двинулись вместе по старинным улицам, над которыми в кронах деревьев разгоралась осень. Они прошли мимо дома Мизиновых, как будто только что вынырнувшего из девятнадцатого века, в это время низко над его крышей протарахтел самолет; хорошо был заметен один из пилотов – чернявый, усатый, стройный, затянутый в кожу, перепоясанный ремнями.

– Знаешь ли ты, что Лика Мизинова – это Лидия Стахеевна? – спросил он для чего-то.

– Нет, не знаю, – призналась она. – К стыду своему, я не знаю, кто такая Лика Мизинова...

– Как-нибудь расскажу, – пообещал он.

– Мне будет интересно, – согласилась она ждать, и в этом согласии мелькнуло будущее.

Тут к ним подошел странный тип, в кроссовках на босу ногу, без шнурков, всклокоченный, в пальто, утратившем цвет еще в прошлом веке.

– Извините, пожалуйста, – обратился он к ним вежливо, – не могли бы вы мне сказать, чем заканчивается книжка «Черемыш, брат героя» писателя Льва Кассиля? Очень интересная книжка...

Оказалось, что ни Саша, ни Даша не читали этого произведения.

– Очень жалко! – сказал парень в кроссовках и только тут представился: – Я – Бочаров... Жалко, что вы не читали про Черемыша...

– Мы обязательно прочитаем, – пообещали они ему и отправились дальше, тут же позабыв про странного парня.

Они вышли к Атаманскому дому; Саша рассказал ей, что давным-давно сюда приезжал Пушкин.

– Это каждый знает, – сказала она. – Здесь даже мемориальная доска есть...

– Но я об этом знаю такое, о чем прежде никто даже не задумывался, – ответил он. – Вот тебе, например, известно, с какой стороны коляски он вышел, подъехав к дому?

– Кто это может теперь знать? – удивилась она. – Наверное, даже в тот день, когда он приехал, люди не обратили на это внимания... Так ли это важно?..

– Для кого-то это может быть очень важным, например какому-нибудь непризнанному дарованию, которое не чаёт, как прорваться к знаменитому пииту, чтобы вручить ему тетрадку со своими виршами; если, паче чаяния, Александр Сергеевич сойдет с противоположной от парадного крыльца дома стороны, то можно будет рвануться к нему через не очень

широкую Большую Михайловскую, а если Пушкин сойдет, как все и ожидают (а говорили, что поэт приехал неожиданным, хотя молва всегда быстрее человека, да такого человека!), со стороны парадного, то пиши – пропало – окружают столичного гостя, возьмут под локотки, задушат любезностями – только и видали члена Российской Академии, камер-юнкера... – Саша на ходу придумывал историю, врал напропалую и сам не мог понять, чего его понесло, но остановиться не мог. И вот странное дело: где-то в глубине его сознания, где и рождалась эта придумка, не было ощущения, что это несусветная чушь; он даже думал, что в его фантазии есть какая-то правда.

– Я могу сказать, с какой стороны коляски вышел Александр Сергеевич, – уверенно продолжил он, – с правой по ходу движения, то есть с противоположной стороны от парадного крыльца... Так что если кто-то собирался передать поэту какую-нибудь тетрадку или что-нибудь еще – должен быть наготове, другого такого случая может и не представиться...

Саша подошел к самой стене дома:

– Вот на этом самом месте он стоял, ожидая, когда уляжется пыль, поднятая колесами коляски...

Он сам представил себе эту картину и стал рассказывать дальше:

– Все дело тут как раз в знаменитой пыли Уральска... Кто бы ни приезжал сюда, неизменно удивлялся этой невиданной пыли, в изобилии покрывающей улицы города; се рая, мелкая, как пудра, невесомая – в ветренный день она закрывала город, как чадрой; в безветренный, потревоженная телегами, конями или быками, она часами могла висеть над крышами домов. Александр Сергеевич приезжал сюда в на чале осени... Как раз стояли «сентябряки»... А сентябрь в этих краях ветренный... Теперь понимаешь?..

– Не очень, – призналась она. Он терпеливо продолжил:

– Теперь надо узнать розу ветров, и все станет яснее ясного. Я интересовался, в эту пору ветры здесь преимущественно северо-западные... Значит, когда подъехала коляска, то поднятую ею густую пыль снесло влево, и Пушкин, можно предположить с большой вероятностью, вышел с правой стороны коляски, если он только не хотел попасть в пыльное облако.

Даша с любопытством посмотрела на него: странные люди попадают на этих улицах.

– Общепринятая версия этой пушкинской поездки очень скупа на краски, – разошелся Саша, как заядлый пушкинист, – почти не сохранилось деталей, это одна из наименее изученных страничек биографии поэта, да и то мы знаем о ней в основном со слов самого Пушкина, из его письма к Наталье Николаевне. Жизнь Пушкина расписана едва ли не по минутам, а тут целых два дня как будто выпали из нее: два десятка строчек – и все... Удивительно, что нет свидетельств местных жителей. Представь, в провинциальный городок приехал столичный гость, знаменитый поэт, важная персона, но это событие не нашло почти никакого отражения ни в местных документах, ни в воспоминаниях современников, ни в письмах – нигде!.. Почему? Загадка!.. Я скажу тебе, что есть люди, которые вообще сомневаются в том, что Пушкин приезжал сюда!.. Находятся даже такие, кто утверждает, что он был в Гурьеве, не в Уральске. Другие спорят: сопровождал ли его Жуковский? Сплошные темные пятна, астрономы сказали бы сегодня так: черные дыры.

– Ты кто по профессии? – спросила Даша. – Литературовед? Астроном?..

Он вспомнил свою профессию, и ему вдруг стало грустно.

– Скорее астроном... но временно безработный... – ответил он и добавил: – Несмотря на это, мне удалось восстановить многие детали тех сентябрьских дней восьмьсот тридцать третьего года... Может быть, они помогут серьезным исследователям...

– При помощи все той же пыли? – спросила она. – Хорошее название – «теория пыли»...

– Не только... – не услышал он насмешки. – Мой метод очень прост: не пренебрегать мелочами, самыми крошечными, соединять несоединимое. Мне важно все: не потерял ли один из коней подкову? Сколько мадеры взял в дорогу поэт? Не проспал ли на службу смотритель

учуга – этого частокола поперек реки, чтобы красная рыба не поднималась выше Уральска? Уродились ли в том году в садах яблоки? Сколько времени показывали стрелки брегета атамана Василия Осиповича Покатилова?.. Два-три десятка пустяков, сложенных вместе, могут дать картину почти фотографической точности.

– Шерлок Холмс не так ли действовал? – поинтересовалась она.

– Он преступников выводил на чистую воду, а я... – он едва не сказал, для кого припасены в его памяти знания о Пушкине, из которых и вырос его интерес к таинственной поездке поэта в Уральск, – а я... я... Мне просто интерес но... А тебе, тебе это интересно?

Она почти не покривила душой:

– Да, очень... Во всяком случае не скучно об этом слушать.

– Правда? – обрадовался он, а она испугалась, что Пушкин никогда не оставит их наедине.

Я определил время приезда поэта с точностью до минуты, знаю цвет его башмаков, мне известно даже, сколько носовых платков взял он с собой в дальнюю дорогу, я почти уверен, что в дороге около Кирсановского форпоста на берегу старицы он разговаривал с местным мальчишкой, удившим рыбу, – мальчишка дал ему вязовую удочку, и он поймал золотую рыбку...

– Прямо-таки золотую? – спросила она.

– И красноперую... Чудо-рыбка!..

– Скажи, а будущее ты можешь определять по своему методу?.. – перевела она разговор на другое.

– Наверное, могу... Но это не так интересно. Прошлое старается изо всех сил ускользнуть от нас, скрыться, загадать уйму загадок, а будущее само прет нам в руки, можно просто сесть и дожидаться его – и вот оно!..

В этот день они не расставались до вечера. Ходили, разговаривали, загребали ногами желтые листья, стояли на берегу Чагана, затем шли на берег Урала и стояли на краю осыпающегося яра – и дух захватывало от пятнадцатиметровой высоты, от разворачивающейся панорамы Бухарской стороны, от бесконечности молодости. Вечером им тоже не захотелось расставаться, и они не стали расставаться... Ни на завтра, ни через неделю, ни через месяц... А галактика ждала.

Глава седьмая

Тайник в подвале

*Ехал Грека через реку.
Видит Грека в реке рак.
Сунул в реку руку Грека.
Рак за руку Греку – цап!*

Они поселились в старом доме Даши, который стоял почти в лесу, неподалеку от острова, который с незапамятных времен здесь называли Буяном. Дом был странным, как многое в этом городе. У него были метровые стены, тройные рамы, железная кровля, обнесен он был кирпичной стеной, как будто кто-то собирался держать здесь оборону. Под домом располагался обширный сумрачный подвал, под каменными сводами которого, казалось, хранились не только картошка-моркошка, деревянные кадки из-под солений, старые ящики из-под антоновки, но и сумрачные тайны. Почти под самой крышей на фасаде дома была укреплена круглая медная табличка, на которой было выбито: «1874 год. Санкт-Петербургъ. Российское страховое от огня общество». Саша никак не мог избавиться от странного ощущения, что дом этот не чужой ему, хотя он был уверен, что никогда прежде не бывал в нем.

– Такое ощущение, что строители этого дома чего-то боялись, – сказал как-то Саша, – и построили его на самой окраине, и стеной обнесли, и застраховали в столице. Как будто старались сделать дом неприметным и одновременно несокрушимым. Такие стены выдержат прямое попадание артиллерийского снаряда. Может быть, где-нибудь в подвале замурован клад?.. Надо будет как-нибудь найти часок – и посмотреть, вдруг сундук с бриллиантами найдем?..

Но этот часок для исследования таинственного подвала нашелся не скоро, Саше и Даше катастрофически не хватало времени друг для друга. Им казалось даже, что когда они вместе, а они почти не расставались, в минуте остается только тридцать секунд, даже меньше.

Даша даже оставила работу на швейной фабрике, Саша только изредка навещался в галактическое управление, так что они были неразлучны. Часто ходили в лес, все его тропинки и лужайки были им знакомы, почти всегда Саша брал с собой легкую бамбуковую удочку и забрасывал ее с мостика; ловились караси, подлещики, жадно брали некрупные окуни.

Они прожили год, другой... И однажды Даша поймала себя на мысли, что Саша за эти годы неузнаваемо изменился. Словно какая-то тайная печаль терзала его; он становился все угрюмее, редко смеялся, к ним перестали ходить друзья. И прежде их было немного, а теперь они как будто вообще забыли о Даше и Саше. Она спрашивала у него:

– Скажи, у тебя на работе неприятности?..

Он отвечал:

– На работе как раз все в порядке, все хорошо, даже очень хорошо...

В подтверждение этих слов стал приносить домой больше денег, говорил, что повысили оклад жалованья и даже повысили в должности.

– Так в чем же дело? – настаивала она. Он темнел лицом, отмалчивался. Не мог же он ей сказать, что в галактическом управлении объявлена повышенная готовность, что его могут отправить в космос в любой день. Он даже подумывал – не отказаться ли ему теперь от чести быть первым межгалактическим путешественником, но отогнал от себя эту предательскую мысль. Так много времени и средств было затрачено на его подготовку, так много надежд связано именно с его программой, что отказ на завершающей стадии выглядел бы просто дезертирством.

Он не находил себе места, стал чаще ходить в лес, словно старался отвыкнуть от Даши. Но ничего не получалось, он с ужасом думал о том дне, когда ему предстоит покинуть ее навсегда.

– И зачем только меня потянуло тогда в эти бесконечные кирпичные дворы? – в какой уже раз спрашивал он себя. – Как оказалась там Даша?.. Нет, это не может быть случайностью...

Ответов на все эти вопросы не существовало, он, конечно же, догадывался, что случайностей на свете не бывает, но все равно пытался представить, как легка была бы сегодня его жизнь, не познакомься он с Дашей. Но представлялось нечто унылое, тусклое, темное. Как ни крути, а выходило, что она была светом его жизни. И теперь он должен будет ее оставить и не сказать ей об этом ни слова. Боже, боже!..

Дашу тревожило его состояние, даже очень.

– Ты не заболел? – спрашивала она, а он только плеча ми пожимал.

Она не знала, чем отвлечь его, – нежно обнимала, целовала, но он становился все сумрачнее.

– Может, он завел другую? – как-то пришло ей в голову, но она сразу отогнала эту мысль – быть этого не могло; она знала, что он любит ее.

Как-то она выбрала время, позвала его:

– Не хочешь ли заняться исследованием подвала?.. Со кровяца ждуть! – она надеялась хотя бы ненадолго оторвать Сашу от того, что мучило его. Но что его мучило, что?..

Они открыли тяжелую, обитую листовым железом дверь, ведущую в подвал, как крышку сундука. Вниз вели узкие каменные ступени, шершавые, как будто только вырубленные из скалы. Тяжелые своды подвала поддерживал каменный столб из такого же шершавого грубого камня. Все подземное пространство дома было забито отслужившими свой век вещами. И почему люди прежде так не любили расставаться со старьем, даже самая колченогая табуретка не выбрасывалась, а отправлялась в подвал, на чердак, в кладовку? Ответ кажется простым: раньше людям казалось, что, сохраняя эти вещи, они дольше не расстанутся с былым. Но может быть и другое: нужно иметь перед глазами униженное прошлое, чтобы оправдывать настоящее?.. Но почему тогда сегодня не дорожат былым, оно уже достаточно унижено?..

Под сводами подвала теплилась одна тусклая лампочка, тени отверженных вещей были огромны, гораздо больше истинных размеров всех этих стульев, похожих на троны, кушеток, вызывающих в памяти ложе разбойника Прокруста, шкафов, в которых не могло не быть пожелтевших скелетов, – несмотря на ободранную обшивку кресел, на диванные пружины, нацелившиеся ужалить, словно кобры, на гнутые и битые тазики, сковороды, словно старые кирасы после проигранной битвы, чудилось, что вещи эти служили титанам. Особенно поражали своими размерами двое одинаковых часов с маятниками, похожими на алебарды, – они возвышались с обеих сторон лестницы, как сторожевые башни; на вид гиганты были вполне исправны.

На крышке разбитого письменного стола, за которым, наверное, бился над словом еще Владимир Галактионович Короленко, Саша увидел керосиновую лампу на высокой металлической подставке, с запыленным стеклом.

– А ведь она и сейчас готова светить! – сказал он удивленно. Смахнул пыль с плафона, чиркнул спичкой и поднес пламя к фитилю лампы. Фитиль затрепал, задымился и тут же вспыхнул. Саша вернул на место плафон – тени в подвале стали короче, отодвинулись в дальние углы призраки титанов.

У дальней стены стоял стеллаж, на котором громоздились пачки книг, журналов, перевязанные шпагатом, подшивки газет, в которых новостей было меньше, чем пыли. Саша взял один из журналов: «К спорту», датированный августом 1914 года.

– Никогда не слышал о таком журнале, – сказал он. – Здесь про войну больше, чем о спорте...

– А вообще подвал странный, – продолжил он, помолчав с минуту. – Как сам город, загадочный, заброшенный, забытый и, кажется, вполне сжившийся со своей заброшенностью...

– Город заброшенный или подвал?

– Подвал тоже... Его как будто не открывали целое столетие, и в то же время в нем нет затхлости, обреченности...

– В нашей семье почему-то считали, что без особой нужды открывать подвал не следует, мало ли что в нем может быть? – Даше показалось, что Саша оживился. – Мама, на пример, панически боялась крыс, отца я почти не помню со всем, но знаю, что он плохо переносил замкнутое пространство. Бабушка рассказывала, что с самого раннего детства он мечтал стать моряком, капитаном дальнего плавания. Двадцать лет назад ушел в плаванье и не вернулся... Мать намекала, что этот последний поход состоялся при весьма странных обстоятельствах... Плаванье это было больше похоже на бегство...

У Даши слезы навернулись на глаза.

– Сколько себя помню, подвал всегда был закрыт, а ключ от него – вот этот самый – хранился в небольшом чемодане, там еще лежали всякие документы, коробочки с медалями, значками, ключи...

– Вот скажи, если бы тебе довелось прятать здесь что-то, какое бы место ты выбрала? – спросил Саша. – Закопала бы где-нибудь в углу, под каменной плитой или, наоборот, – замуровала в стене?..

– Не знаю, не думала об этом... Пока прятать было нечего...

– А ты все-таки подумай... Прячут всегда только для того, чтобы в нужное время нашли...

Она подумала:

– Скорее всего, я сделала бы тайник вот в этой стене, облицованной камнем. Внизу не стала бы его размещать, так как по весне здесь бывают сильные паводки... Я постаралась бы спрятать тайник под камнем, который не бросается в глаза, где-нибудь на периферии обзора... Так?..

– А вот и неверно! – возразил он. – Это ход размышлений большинства кладоискателей и тех, кто хотел бы понадежней спрятать сокровища... А нужно устраивать тайник почти на видном месте, так, чтобы никто не подумал, что он именно здесь...

– Опять «теория пыли»? – улыбнулась она.

– Что-то наподобие... На этот раз нам тайну поможет открыть Урал... В прошлые годы паводковые воды поднимались на девять, десять метров и даже выше. И хотя дом построен на возвышении, вряд ли он гарантированно защищен от больших наводнений... Мне рассказывали, что в пятьдесят седьмом году по Чагану бревенчатые дома плыли, как деревянные фрегаты. В сорок четвертом вода подходила почти вплотную к Главной улице, говорят, что тогда вода поднялась почти на одиннадцать метров. Значит, нужно искать точку, которая выше одиннадцати метров над нулем поста...

– Нулем чего? – спросила Даша, удивляясь его разносторонним познаниям. Если бы она только догадывалась о том, что он знает еще!..

– Есть такое понятие – «нуль графика гидрологического поста» – в общем, это условная горизонтальная плоскость сравнения, необходимая при измерении уровня воды... Так что, если здесь хотели спрятать что-то серьезное, то наверняка искали самую высокую точку в подвале, во всяком случае, не ниже одиннадцати метров над нулем...

– Серьезное? – удивилась Даша. – Насколько мне известно, золото и бриллианты влаги не боятся... А что может быть в тайниках серьезнее драгоценностей – не подвенечное же платье прабабушки?..

Она улыбнулась, как еще его расшевелить?

– Платье вполне может быть дороже золота, – сказал он. – Это смотря кто его надевал... Кроме платьев и бриллиантов там могут быть такие документы, что весь мир ахнет!.. Например, карта таинственной неоткрытой страны... Или... или... Мало ли что там может быть!

– Ты так говоришь, как будто точно знаешь, что здесь есть тайник... А ведь скорее всего никакого тайника нет, это только игра воображения... – она спорила с ним только потому, что прямо на ее глазах он преобразался, уходили странная меланхолия, задумчивость, в глазах появился забытый блеск.

– Сейчас посмотрим, – произнес он с нажимом, как будто на самом деле не сомневался в существовании тайника с сокровищами. – Так, где у нас самое высокое место? Конечно же, под сводом подвала...

– Но есть и еще более высокая точка, – возразила она.

– Интересно, интересно! – загорелся он. – Где?..

– Первая каменная ступенька лестницы, ведущей в подвал, выше свода... И опять же она на самом виду, нико му и в голову не придет, что там кто-то решится хоть что-то спрятать...

– Молодец, молодец! – прошептал восхищенный Саша. – Вот и ты почти вооружена «теорией пыли». Еще чуть-чуть – и сможешь, не открывая тайников, сказать, что в них находится! А теперь остается проверить насколько ты права в своих предположениях...

Он поднялся по каменным ступеням, осмотрел первую из них. Пробежал по ступеньке пальцами, как слепец по тексту Брайля. Даже принюхался к холодному камню.

– Если здесь и есть тайник, то очень тщательно замаскированный, – сказал он наконец. – До того замаскированный, что найти его, не раздробив камень, невозможно...

– А может, не под самой верхней ступенькой нужно искать? – подала голос Даша. – Если кто-то вспомнит о возможных наводнениях, то ему легко может прийти в голову и предположение о самой высокой точке... Так что умные устроители тайника могли спуститься на ступеньку ниже, тем более что она все равно выше подвального свода...

– Браво! – сказал Саша. – Я думаю даже, что тайник под третьей ступенькой.

Он сделал два шага вниз, принялся осматривать ступеньку.

– Она явно отличается от всех остальных, – сказал он. – Как будто сделана из другой партии камня – она светлее, вот сейчас поднесем к ней лампу.

Он взял лампу за длинную подставку, поднес плафон совсем близко к верхним ступеням, и отчетливо стало заметно, что камень третьей ступеньки светлее своих каменных соседей.

– Как же он открывается? – задумчиво произнес Саша.

– Что, «теория пыли» не помогает? – спросила Даша.

– Сейчас, сейчас... Что здесь кажется особенно странным?..

– Все!.. – честно призналась Даша.

– Книги могут служить прикрытием какому-нибудь механизму, открывающему тайник?.. – спросил он.

– Наверное, могут...

– Может ли за нагромождениями старой мебели скрываться какая-нибудь секретная кнопка? Вполне!.. Сколько уж раз из кино, книг мы узнавали о скрытых рычагах, тайных шестеренках, неприметных колесах, которые в нужный момент приводились в действие!.. Но мы пойдем в своих размышлениях дальше. В подвале есть предметы, которые являются сложными механизмами, идеально подходящими для совершения всяких секретных действий, – эти огромные часы с устрашающими маятниками, – он подошел к деревянным гигантам; сквозь толстый слой пыли были едва заметны позолоченные циферблаты, причем один был с арабскими, другой – с римскими цифрами.

Саша смахнул пыль с обоих часов. Стрелки на арабском циферблате показывали двенадцать часов, на римском – без пяти двенадцать.

– Полночь или полдень? – спросила Даша.

Не будем гадать, предположим, что полночь, – сказал Саша. – Заповедное время... Хотя эти часы, кажется мне, находятся здесь совсем не для отсчета часов и минут.

– И что теперь?

– Нужно попытаться запустить их... Сдается мне, что свой ресурс они не выработали... Но где же ключ?.. Часов почему-то двое, а ключа не видно ни одного...

– Мне почему-то кажется, что и ключ должен находиться на видном месте, – предположила Даша. – А возможно, и сам ключ очень необычной формы... Такой формы, что далеко не каждый догадается, что это как раз ключ...

Саша открыл тяжелые застекленные дверцы часов, там не было и намека на заводное устройство, не было и отверстия для ключа, только чуть пониже циферблата проходила узкая прорезь.

– Ты права, – сказал он. – Загадка все интереснее. У меня такое чувство, что эти таинственные часы я уже видел...

Он еще раз тщательно осмотрел огромные часы.

– Есть какие-то предположения? – спросил он. Даша надолго задумалась.

– А вдруг в эту прорезь нужно вставлять бумагу с каким-нибудь шифром? – наконец сказала она. – А бумага эта среди пропылившихся книг...

Он улыбнулся:

– И все-таки «теория пыли»... А что, это не так глупо... Бумага может храниться веками... – он потер лоб ладонью.

– Но она легко горит, – продолжил он, – ее разрушает вода, ее охотно пожирают крысы, не вдаваясь в секреты, которые она, может быть, хранила... нет, нет, все-таки это ненадежное хранилище секретов...

И тут его осенило:

– Постой, постой!.. Есть ли здесь лестница, обыкновенная приставная лестница?..

– Да вон она, лежит на полу у книжного стеллажа, – указала на лестницу Даша.

– Наверное, понадобятся какие-нибудь инструменты – отвертка, молоток, щипцы...

Она молча подала ему деревянный ящик с инструментами, не представляя, что он будет делать с ними, не разбивать же такие величественные часы?..

Саша взял лестницу и двинулся с ней на выход, как на штурм неприступной крепости. Установил ее у фасада дома, верхняя ступенька точно доставала до медной таблички.

– А ведь правда! – наконец поняла она его замысел.

– Табличка эта – ровесница дома, она его хранила – в прямом и переносном смысле – долгие годы, – сказал он. – И она круглая!.. Приглядишься, чем это не диск, с выбитой на нем информацией?..

Саша поднялся по лестнице, рассмотрел табличку внимательнее, присвистнул:

– Да тут нет ничего похожего на гвозди или шурупы!.. Странное крепление, нечто вроде байонета.

Он нажал на табличку, попытался повернуть ее влево или вправо. Раздался металлический щелчок, и табличка осталась в его руках. Он спустился, подошел к Даше:

– Смотри!..

С обратной стороны табличка сияла, как золотая. На ней была вырезана спиральная дорожка, почти как на грампластинке, только глубже, рельефнее.

– Вот это да! – сказал Саша. – Это и есть ключ. Признаться, даже я не рассчитывал на такой результат... Думал, что вот-вот – и закончится эта интересная игра... Теперь ничего не остается, как открыть тайник...

– Я волнуюсь! – призналась Даша. В самом деле, что за странный такой дом достался ей от родителей?.. Что они прятали, да и они ли прятали?

Они опять спустились в подвал, Саша осторожно вставил пластинку в прорезь под римским циферблатом. Раздался короткий щелчок – и все. Ни звука, ни движения. Через минуту раздался еще один щелчок, и пластинка показалась в прорези.

– Не хочет, – задумчиво сказал Саша. – Что-то ей не по нраву...

– Каждую мелочь принимаем во внимание, каждую... – произнесла Даша. – Почему один циферблат с арабскими цифрами, другой – с римскими?.. Что у нас на востоке?..

– Солнце всходит, – сказала она.

– Вполне можно сказать, что там начинается время, – подхватил он. – Попробуем вставить пластинку в другие часы...

Едва он сделал это, как раздалось громкое жужжание, как будто начали вращаться невидимые колесики и шестеренки. Маятник дрогнул, еще раз...

– Подтолкни эту секиру! – сказала Даша.

Саша едва прикоснулся к маятнику, как тот пришел в движение – сначала пошел влево, затем замер на мгновение, словно раздумывая – стоит ли пробуждаться после такого долгого сна? – и пошел вправо, и снова влево – часовой механизм ожил. Еще раз что-то зажужжало, и часы принялись бить – бамм! Бамм! Бамм! – и так двенадцать раз. Полночь...

Опять что-то щелкнуло, и медная пластинка выскочила из прорези. Саша вставил ее в прорезь под циферблатом с римскими цифрами. И тут же гигантские часы откликнулись целым набором звуков – от тонкого свиста до гулких колокольных ударов, и это продолжалось ровно пять минут, пока и эти часы также начали отсчитывать время – бамм! Бамм! Бамм! – и так до двенадцати. Полдень...

– А ведь они пробили не в одно и то же время! – сказала Даша. – Значит, они идут с отставанием, и отставание это как будто специально задумано кем-то...

– Наверное, так и есть... Один механизм двигает одно, второй – другое... А может, учитывается поправка на вращение земли или что-нибудь еще...

Пол под ногами мелко задрожал, что-то заурчало под каменной лестницей, и тут же третья ступенька стала сдвигаться, как крышка пенала, и постепенно вся ушла в углубление в стене. Начала сдвигаться и вторая ступенька, и через минуту Даша и Саша увидели еще одну лестницу – лестничку – которая в узком лазе вела в темноту.

Саша присвистнул: дела!.. Он взял лампу – и что бы они без нее делали? – и стал осторожно спускаться вниз. Даша без колебаний последовала за ним.

– Пригни голову, – предупредил ее Саша, – здесь дверь и низкая притолока...

Даша с Сашей огляделись: они находились в крошечной каморке, стены которой облицованы все тем же серым шершавым камнем. И каморка эта была совершенно пуста.

– Вот этого я не ожидал, – негромко произнес Саша; в этом каменном мешке хотелось перейти на шепот. – Не похоже, что до нас тут кто-то уже побывал... Такое впечатление, что сокровище так и не успели спрятать. Или...

– Что? – поторопила его Даша.

– Или только готовятся его спрятать...

– Что ты говоришь! Кто может готовиться к этому? Я? Ты? Какие-то невидимки? – она тоже понизила голос. – Или это проделки домового?..

– Не знаю, ничего не знаю...

Они выбрались из тайника, разочарованные.

– Неужели «теория пыли» ничего тебе не подсказывает? – спросила Даша.

– Представь, что впервые почти ничего...

Опять задрожал под ногами пол, раздалось знакомое жужжание, и вторая и третья ступеньки поползли на место. Клацнул невидимый запор, и лаз закрылся. Как и не было его.

Саша посмотрел на часы.

– Ровно пять минут были они открыты, – сказал он, – может, это и объясняет отставание одних часов от других?.. Во всяком случае, надо запомнить, что тайник закрывается через пять минут...

– И, может быть, имеет смысл иногда заглядывать в тайник? – предположила Даша. – Вдруг... вдруг...

– Ты совершенно права, мы даже на малый шажочек не приблизились к раскрытию тайны этого дома... Но мы теперь знаем – тайна эта есть!..

Через неделю он получил секретный приказ: старт назначен на завтра, а вечером нужно быть на точке сбора. Прощай, Даша, прощай... Слезы навернулись на глаза.

Глава восьмая Пути-дороги

*Наша Маша Рано встала,
Кукол всех Пересчитала:
Две матрешки На окошке,
Две Аринки На перинке,
Две Тапошки На подушке,
А Петрушка В колтачке
На дубовом Сундушке.*

4—1,2—4,5 – 5,7—8,9—8,1—5,1 – 1,1—2,2 – 6,2—7,3 —9, г, 5—1,1—2.

Интересные люди попадались на пути Лизаветы. Чуть не на пороге ее дома, когда высока еще была опасность погони и бабушка легко могла вернуть беглянку путь Лизавете заступил странный человек, необычность которого состояла – Лизавета не сразу это поняла, а когда пригляделась – восхитилась – в его потрясающей обыкновенности. Все в нем соответствовало средним параметрам – серый костюм, серые носки, синий плащ и серая же кепка. Рост средний, сам не толстый и не тонкий, голос невыразительный, глаза непонятного цвета, выражение лица никакое. Встретив его второй, третий, десятый раз, никто не смог бы его узнать. С одиннадцатого раза кое у кого получалось. Когда он уходил куда-то, то всем казалось, что его никогда и не было, когда он приходил, все спрашивали друг у друга: а кто это такой? Поэтому он жил почти инкогнито. Его часто принимали за других людей: милиция хватала его, потому что большинство преступников было без особых примет; к нему набегало телевидение, объявляя его время от времени потерянным сыном, братом или даже отцом знаменитого писателя Иванова; соседи по коммунальной квартире норовили заселиться в его комнату, не замечая не только его комода, табуреток и раскладушку, но и самого этого мужика без примет.

Все эти подробности Лизавета узнала позже, а сначала мужик без примет принялся рассказывать о том, что в их доме поселилась нечистая сила: с бельевой веревки пропали две простынки, одна почти новая, и носки – несколько штук, и все на левую ногу...

– А разве бывают носки на левую ногу? – растерялась Лизавета. – Ведь это не сапоги, надевай куда хочешь – хоть на левую ногу, хоть на правую.

– У меня как раз были районированные носки, дифференцированные для каждой ноги, – сказал мужик без примет. – А еще ночами кто-то за стеной шуршит и стонет...

– Так вы в нашем доме живете? – спросила Лизавета. – В мизиновском?.. В доме с колоннами?

Ну конечно, – подтвердил он. – С самого почти рождения живу в нем...

– Что-то прежде я вас не замечала здесь...

Он закручинился:

– Вы и сегодня бы меня не заметили, если бы я сам не подошел...

– Я знаю, кто за стеной газетами шуршит, – постаралась она участливой интонацией сгладить неловкость. – Это домовый... Он неплохой, переживает... Он, несчастный, по службе никак продвинуться не может, у них там строго – и чтобы с жильцами благополучно было, и чтобы крыша не текла, и чтобы посторонние не заводились... А какое уж у нас благополучие, сами знаете...

– Знаю, – вздохнул он, вроде как посочувствовал. – Про домового я давно подозревал, в таком доме без него не обойтись.

Он огляделся по сторонам, продолжил шепотом:

– Но у нас как раз и завелся посторонний. И уже, кажется, давно... Он, этот чужой, как-то заглянул в мою ком нату и так же, как ты, не заметил меня. А я глянул – и меня мороз по шкуре продрал!.. Холодом так и потянуло!

Лизавета вспомнила ледяное дыхание у себя за спиной, кивнула рассказчику ободряюще.

– Со страху-то я не очень и разглядел чудище, подумал даже, что это с бодуна мне видение – такое невиданное уродство и жуть предстали передо мной, – продолжил мужик без примет. – Но я ведь с утра ни росинки во рту не имел, с чего глюки-то пойдут?.. Ты только представь себе: один невиданно гигантский глаз, не мигающий, глубокий, как бездна, и этот глаз размером со страуса упирается в землю огромной когтистой лапой, тоже одной – левой, кажется... Вот для чего ему носки на левую ногу... Но ушей у него несколько – три или четыре... И еще нос, почти хобот!.. Воплощенное внимание – всевидящий глаз, абсолютный слух, безошибочный нюх; наверное, это демон слежки и гений зла...

– Но вас-то он не заметил...

– Я был парализован страхом, он вполне мог пренебречь такой почти условной величиной, как я...

– Скажите, а когти у него случайно не пятипалые? – вспомнила Лизавета.

– Кажется... Точно пятипалые...

Мужик без примет наклонился к Лизавете, да так близко, что самым чесночно-водочного аромата накрыл ее с головой. Она едва не задохнулась. Включила моторчик и чуть-чуть отъехала от нового знакомого.

– У меня слух хороший, – сказала она, – ноги не годятся, а слух отменный...

– Понял, – сказал мужик. – Так вот, это страшилище оглядело комнату, так и не заметив меня, издало какой-то непонятный звук – не то смех, не то кашель, а может, и то и другое, – и медленно растворилось в воздухе... Невидимым, значит, стало... Но еще долго ощущалось его присутствие, это все равно как стоять у открытого холодильника...

– Меня тоже иногда как будто ознобом охватывает, – сказала Лизавета, – и чудится смешок...

– Во! И я говорю!..

Лизавета строго посмотрела на него:

– А почему все это вы рассказали мне, а? Не в полицию-милицию отправились, не в секретные службы, не в какую-нибудь санитарно-эпидемиологическую инспекцию, чтобы дезинфекцию сделали и извели всяких вредителей, даже если они гении зла, а меня тут подкарауливали – подкарауливали ведь, отвечайте?!

– Да, подкарауливал!.. Но перед этим я участковому все рассказал – дяде Жоре, а тот сказал: «Белочка к тебе пришла, каюк-петрович подкрадывается на хлипких лапках...»

– Какая белочка?

– Ну белая горячка значит... В органы я вообще побоялся идти, вдруг, это они сами испытывают какое-нибудь невидимое андронно-наноподслушивательное оборудование?.. Может, наш дом – это особый полигон по проверке сверхспособностей?..

– Так что вы хотите? – начала терять терпение Лизавета. – Я должна вступить в борьбу с этим чудищем?..

Она подумала, что вся ее жизнь – это и есть борьба с чудищем. Может быть, и не борьба пока, а постоянное присутствие неизвестной опасности и предвкушение борьбы с ней и обязательной – обязательной? – победы, но откуда узнал об этом странный мужик без примет?

Он как будто прочитал ее мысли:

– По телевизору я услышал, что у инвалидов – уж не сердитесь на меня за эти слова – обостряются все чувства и они могут видеть, слышать, ощущать то, что не дано обычным людям. Вот у вас, извините, обоняние, случаем, не усиленное какое-нибудь? Может, память феноменальная?..

– Ага, помню то, чего не было, – вырвалось у нее.

– Я и говорю! – оживился ее собеседник. – Необычные способности могут очень помочь в победе над этим существом!.. Тем более что ваши таланты усилены, можно так сказать, юностью... Вот поэтому я и подкарауливал вас, с целью привлечь в тайное общество по борьбе с чудищем...

– Общество? – удивилась Лизавета. – Специальное общество?.. Северное, Южное?..

– Общество секретное. Пока вы в него не вступите, не принесете торжественную клятву до конца бороться за освобождение земли от чудища, я не уполномочен распространять об организации хоть какую-нибудь информацию...

– Вот вам здравствуйте! – засмеялась Лизавета. – Как же вступать в общество, ничего не зная о нем?.. Где ваша программа, где устав?.. Будут ли собираться членские взносы и на что они пойдут?..

– Это обусловлено особенностями нашей борьбы, – строго сказал мужик без примет. – Наш враг невидим, почти неслышим, обладает, по нашим предварительным данным, мощнейшим психотропным оружием, поэтому нам надо быть особенно бдительными...

Лизавета не сдавалась:

– А с чего вы решили извести это существо? Может, оно безобиднее курицы, вдруг от него даже много пользы и оно уничтожает вредных микробов, и втайне от людей гасит магнитные волны и расплющивает цунами?..

– Да вы сами разве верите этому? – спросил мужик без примет.

Она не верила. Она ни на секунду не забывала тот ужасный, страшный день на аэродроме, когда она никак не могла избавиться от ощущения, что рядом с ней кто-то чужой, посторонний. Этот чужой холодом дышал ей в затылок, он словно подталкивал всю семью к краю бездны, и еще неизвестно, почему упал тот вертолет?

– Я готова! – твердо сказала Лизавета. – Я вступаю в ваше общество!..

– Тогда нам нужно в первичную ячейку – клятву приносить, подпись кровью скреплять, знакомиться с материалами последнего, исторического, пленума Общества, – сказал мужик без примет. – Там вам в торжественной обстановке будет присвоен Псевдоним Борца, вручен персональный компьютерный код, по которому вы всегда сможете узнать товарища по борьбе.

И много членов Общества? – спросила Лизавета.

– Вообще-то, это тайна, но вскоре эта информация будет вам доступна. Наш путь сейчас к Слепому.

– ?..

– Ну да, к модератору организации... Так его зовут...

– Но он не слепой?

– Нет, хотя в нашей борьбе мы больше полагаемся на сверхспособности, чем на обычные органы чувств...

И они отправились в штаб-квартиру Общества. Лизавета включила моторчик коляски на полную мощность, мужику без примет пришлось бежать впереди, показывая дорогу.

Слепой жил в старой сапожной будке. Здесь же располагалась штаб-квартира Общества. Это было очень удобно, потому что застекленная дверь будки выходила на главную улицу города, позволяя держать эту магистраль под наблюдением. А, кроме того, в двух шагах от этого места находился географический центр города, и вот что было удивительным, от этого центра было ровно восемьсот семьдесят четыре километра до Москвы и столько же – восемьсот семьдесят четыре – до Казалинска, только в другую сторону. Никто не мог объяснить столь странный феномен, хотя некоторые пожимали плечами, говорили:

– Ну и что такого!..

Как бы там ни было, такое расположение офиса организации борцов с чудищем – ОРГБОРЧУД – внушало невольное уважение к членам тайного общества, что в свою очередь не могло не укреплять их веру в конечное торжество идей Общества.

Слепой, используя последние достижения современной конспиративной науки, открыл в будке кооператив с вывеской «Не проходите мимо» – и все прохожие тут же потеряли к будке интерес. Она как будто исчезла, прикрытая приглашением, как шапкой-невидимкой. Даже почтальоны не брались разыскивать будку, таксисты не могли вспомнить, где она находится, в адресном бюро понятия не имели о том, где она располагается. Лучшего места для подпольной деятельности было не найти.

– Вот если бы я написал «Вход строго воспрещен, за на рушение штраф» – тогда народ пошел бы сюда валом, – говорил Слепой и добавлял свою любимую присказку: – «Бес противоречия смущает наш дух».

Несколько лет назад известнейший повсеместно и в Куренях писатель Виктор Иванов вывел его в одном из своих нашумевших романов, небольшой отрывок из которого поможет раскрыть характер этого неординарного человека: «Вообще-то Слепого звали иначе, а это прозвище, как ни странно, он получил за свою зоркость, за то, что всегда был в курсе множества событий. Если весной на Урале начинался ледоход, он знал об этом уже тогда, когда первая льдина со скрежетом и треском вставала на реке дыбом; если первые пестрые кузнечики появлялись в траве, он уже знал – в степи наступает страшный итальянский прус; если еще затемно полетели по главной улице черные машины, он говорил уверенно, что скоро случится денежная реформа... Он знал, что город дал приют тринадцати тысячам проституток и семидесяти трем тысячам шлюх, для него не было секретом, что пулеметов и автоматов в городе больше, чем швейных машинок, не могло укрыться от него и то, что все больше в городе становится асфальта и все меньше травы... Он знал многие тайны народа, который живет на крышах, понятны ему были и чаянья помойных людей, ему приходилось мирить враждующие группировки людей подземелий... В этом городе для него не было тайн. Однажды хорошо известный на помойке второго жилгородка поэт Верзила (рост – 199 сантиметров) сказал:

– Ты, наверное, будь даже слепым, знал бы все обо всем!..

– Ха-ха, нашел Слепого! – засмеялись друзья, и, может быть, именно тогда и прилипло к нему это прозвище».

Днем Слепой занимался кооперативными делами, вечерами к нему приходили друзья; у него было много друзей, потому что он их любил. В тесной будке всем было просторно, друзья читали стихи, пели песни под гитару; они были поэтами, музыкантами, художниками, только случайно не признанными...

– Такая жизнь, что слепец должен видеть лучше зряче го, глухой слышать, как кошка, хромой бегать быстрее олимпийского чемпиона.

Мужик без примет представил Лизавету Слепому.

– Как хорошо, что именно вы решили вступить в ОРГБОРЧУД, – сказал тот. – В нашей борьбе нужны люди с обостренным восприятием действительности. Таких не так много. Представьте себе, что большинство людей разделяет мир на одушевленный и неодушевленный... Вот скажи, цветок одушевленный или нет?

Лизавета вспомнила, как расцвел у нее на подоконнике кактус, и твердо сказала:

– Конечно, одушевленный!..

– А табуретка? – спросил он.

Лизавета задумалась.

– Не знаю... Не уверена...

– Ученые НИИВК проводили такой эксперимент: подключали к табуретке самые разнообразные датчики, фиксировали их показания в относительно спокойном состоянии. Потом брали отточенный топор и с размахом заносили его над табуреткой. Большинство приборов

показали отклонения, как если бы табуретка испугалась... Я утверждаю, что так оно и было, табуретка испытала чувство страха...

– Интересно! – сказала Лизавета. – А что это за НИИ?..

– Научно-Исследовательский Институт Второй Кочегарки, там собраны, пожалуй, самые блестящие научные силы народа кочегарок. Они, например, успешно решили проблему остужающейся памяти, теперь одного укола достаточно для того, чтобы все вспомнили всех; пока, к сожалению, не удастся справиться с побочными эффектами: на третий день пациенты сходят с ума. Вы, наверное, уже слышали, что наконец удалось определить, что было раньше – яйцо или курица?.. Так это тоже удача НИИВК... Из последних разработок – монета, всегда выпадающая «решкой», горячее мороженое, мощный МБ-компьютер, который все свои высокоскоростные вычисления выполняет с оговоркой – «может быть, правильно» или «может быть, неверно»... Вы спросите, зачем нужна такая техника? Не поверите, но все, кому приходилось работать на этих поистине умных машинах, значительно повышали свой – IQ – уровень интеллекта...

– Мне приходилось соприкасаться с этими аппаратами! – не без гордости сказал мужик без примет.

– Да, наши края щедры на таланты, – согласился Слепой. – Я знаю, что в лаборатории ШНП – шиворот-навыворот проблем – проходит испытание зеркало, в котором человек отражается, мягко выражаясь, спиной, затылком... Короче, вид сзади... Испытания еще не завершены, но заказов на эти зеркала множество...

– Наука не стоит на месте... – сказал мужик без примет.

– Кстати говоря, – перебил его хозяин будки, – каждого члена Общества мы со временем вооружим таким карманным шиворот-навыворот зеркальцем. Дело в том, что чудище, которое, по некоторым сведениям, именуется Ку-Эн-Зимом, не обладает способностью быть невидимым, как считают некоторые члены ОРГБОРЧУД. Но оно умеет всегда находиться у нас за спиной. Как бы мы ни поворачивались, оно опережает нас, оставляя нам ощущение холода на затылке и наглый смешок... С зеркальцами мы сумеем держать его в поле зрения и, может быть, сможем определить его уязвимые стороны...

Затем Слепой изложил основные положения программы и устава тайного Общества. Сто сорок восемь пунктов программы касались борьбы со всемирным злом во всех его проявлениях, а в последнем – сто сорок девятом пункте содержалось предупреждение, что, в общем-то, зло непобедимо, речь не идет о его полном уничтожении, а об установлении разумных пропорций добра и зла. Откуда возьмется тень, если не будет света, не становится ли белое белым только в контрасте с черным?.. Но это, конечно, не означало, что члены Общества готовы к компромиссам со злом, в частности с чудищем, поселившимся в мизиновском доме. Кстати говоря, этот сто сорок девятый пункт был предметом острых дискуссий философов, сочувствующих идеям ОРГБОРЧУДа. Одни одобряли его целиком и полностью, другие не принимали даже по частям. Принципы борьбы разумной, не саморазрушительной, отстаивали одни, а вторые призывали победить или погибнуть.

Устав организации был в русле демократического централизма, объяснили Лизавете, и она только кивнула.

Она легко согласилась с положениями программы и требованиями устава, решительно потребовала нож, для того чтобы своей кровью подписать заявление о вступлении в Общество.

Мужик без примет смутился:

– Это я для красного словца – о клятве, о подписи кровью...

– Нам вполне достаточно вашего честного слова, – сказал Слепой. – Вам присваивается Псевдоним Борца. Отныне товарищи по борьбе будут знать вас, как Ольгу Южную. Поздравляю!..

– Можно спросить? – отчего-то заробела Ольга Южная. – А Ольга Восточная или Западная есть?

– Они еще не вступили в Общество, – сказал Слепой. Он сделал небольшую паузу и продолжил:

– Вам присваивается и персональный компьютерный код – homabruttol23321... Поздравляю!..

– Готова хоть сию минуту сражаться с чудовищами! – решительно сказала Лизавета. – Но прежде мне нужно закончить кое-какие свои дела... Мне на один остров съездить нужно... Почему-то мне кажется, что на нем живут счастливые люди... Там не бывает горя... Может, все пропавшие, все сгинувшие тоже там находятся?..

Она хотела сказать, что в старом телевизоре видела эту заповедную землю, ей даже показалось, что на экране мелькнули мужчина и женщина, как две капли воды похожие на ее папу и маму, но она промолчала. Вместо этого спросила:

– А сколько в нашем Обществе членов?..

– В ближайшее время намечается прием еще двух кандидатов, с ними нас станет пятеро... Пять бесстрашных бойцов!.. И миллионы сочувствующих!..

– Мы победим! – сказала Ольга Южная. – А сейчас мне пора... Постараюсь вернуться скорее, и тогда ударим в полную силу!..

И вдруг она вспомнила, что не рассказала о своих видениях, о странных снах бабушки, о пятипалой птичьей лапе каминных щипцов. Вдруг это окажется важным для их общей борьбы с тем, чье ледяное дыхание время от времени ощущают жители мизиновского дома? И хотя Лизавета очень спешила на Остров, она все-таки задержалась в будке Слепого еще на некоторое время.

Иногда, особенно когда слезы наворачиваются на глаза или идет дождь, и дождевики попадают на лицо, я вдруг через эти капли начинаю видеть то, что находится за много километров от меня, за сотни и тысячи километров, – начала она свой рассказ, – и подозреваю, что тогда взгляд мой проникает в другие времена, а может, и другие измерения... Часто вижу старую шхуну, шкипер которой много-много лет ведет свой корабль на восток, к далекому острову – я почти уверена, что именно к тому самому острову, на который нужно и мне. Изредка он подносит к глазам бинокль, и тогда становится заметной на его руке – «Чаби чаряби... 2-6, 2-12, 2-9, 2-1, 2-2, 1-3, 2-7, 1-2, 2-6, 1-4, 1-3, 1-2, 1-1, 1-4»! Прямо-таки шифровка какая-то...

Иногда этот отважный шкипер как будто объясняет мне, что татуировка фамильная, передается от отца к сыну, – продолжила Лизавета. – И у шкиперского деда такая была, и у прадеда. Тут какая-то семейная тайна... Время придет, и станет понятным, для чего нужен этот шифр. Бабушка моя тоже умеет различать какие-то вещи на большом расстоянии и тоже, когда на глаза наворачиваются слезы... Тогда прямо как в подзорную трубу смотрит... И еще бабушка иногда вспоминает события, которые случились задолго до ее рождения. Иногда она забывается и словно оказывается в другом времени – не то в прошлом, не то в будущем... Бабушка рассказывала мне, что однажды она зажгла спичку – без всякой на то надобности – и глазами что-то ищет... Спичка обожгла ей пальцы, и она поняла, что озиралась в поисках каминного щипца, а ведь камин до этого она только в кино видела. А другая рука ее потянулась за каминными щипцами, концы которых, откуда-то помнит бабушка, были выкованы в виде когтистых лап какой-то птицы...

– Может, это когти той самой одноглазой птички? – задумчиво спросил мужик без примет. – И не кажется ли вам, что кто-то как будто старается предупредить нас об этом чуде?..

– Похоже, что так оно и есть, – сказал Слепой. – На верное, давно сюда пожаловало оно... Или с начала времен живет здесь?..

Лизавета попрощалась с новыми друзьями, пообещав надолго не застревать на Острове.

– Счастливой дороги! – сказали они. – Не отговариваем тебя от такого опасного путешествия, потому что на Острове, наверное, смогут раскрыться самые тайные тайны, самые загадочные загадки, сбываются самые несбыточные надежды...

Лизавета подумала вдруг, что вовсе не обязательно раскрывать все тайны, отгадывать все загадки, да и все сбывшиеся надежды заставят подумать: такими уж несбыточными они были? Если все сбылось, то во что верить, о чем мечтать? Дорога манит нас, а не ее конец...

И она отправилась в путь. Сыщики, брошенные за ней в погоню, не могли угнаться за проворным креслом. Не успевали прийти сообщения, что коляску засекли в Алма-Ате, а она уже оказывалась в славном городе, в котором небо держится на заводских трубах, – Усть-Каме-ногорске. От Алтайских гор она в неделю успевала добраться до монгольских степей, от прохладных вод Керулена она в мгновение ока попадала к устью речки Бзыбь... Она искала свою главную дорогу, но пока не находила. А кто говорил, что в пути легко? Кто-нибудь хотя бы намекал на это?..

Агенты, шедшие по ее следам, применяли самую совершенную технику слежки, но никакая электроника не успевала за настойчивой девочкой. Но с какой бы скоростью ни перемещалась она, время от времени слышала за своей спиной короткую усмешку, ледяное дыхание стягивало холодом затылок..

В городе Бузулуке она познакомилась с человеком, облаченным в необъятный брезентовый плащ, выцветший, как паруса бригантины. Надо сказать, что Лизавете часто встречались люди в брезентовых плащах – то ли потому, что много на земле стало непогоды, то ли потому, что эти встречные думали, что в любую минуту может разразиться страшный шторм и нужно всегда быть к нему готовым.

Что делается, что делается! – закричал он. – Сдается мне, что никому больше не нужно древнее искусство устройства дупел!..

– Дупел? – удивилась Лизавета.

– Ну да, предлагаю дупла дубовые, грабовые, липовые...

– Для птиц? – спросила она. – А они сами не умеют?

– При чем тут птицы? – строго спросил новый знакомый. – Пусть себе дятлы стучат, пусть кукушки подкладывают яйца в чужие гнезда – мы их не тронем!.. В нашем распоряжении дупла иного рода...

– Для людей?

– Конечно, для них... Вы не представляете себе, как прежде были востребованы дупла, на них даже существовала очередь, мастера древнего ремесла не успевали выполнять заказы... Существовали дупла для всякого рода надобностей...

– Простите, я не очень хорошо понимаю, о чем вы, – перебила она его.

– Вот я и говорю, пропадает ремесло... нынче человеку ничего не стоит носить в себе всякую дрянь!.. Раньше как было? Обманул купец другого купца, деньги занял и не вернул, или несправедно отсудил усадьбу, да мало ли еще чего... От стыда уши горят, бессонница замучила, страшные сны снятся – что делать? Шел тогда купчишка к своему заветному дуплу, выговаривался в это дупло, кричал, о чем душа наболела, – в общем, выкрикивал из себя все дурное, не стеснялся в выражениях: так, мол, и так, а выходит, что сучий сын я оказался, варнак косорылый, zenки мои бесстыжие, не сыскать никого окаяннее меня! Кому он туда говорил, кто там в том дупле таился – никто не ведает, и только мы, мастера-дуплостроители, знали – слушала там человека его же большая совесть... А другому невмочь хранить тайну, но поклялся страшной клятвой, и нарушить ее невозможно. И он тогда ищет свое дупло, шепчет туда сокровенное.

– Так вы мастерили выговаривальные дупла? – поняла Лизавета. – Интересно...

– Были загадывательные дупла, были приворотные... всякие... Ремесло, скажу вам, непростое. Не один день потратишь, отыскивая в лесу нужное дерево. Не каждая лесина годится для этого... Бывало, ходишь, слушаешь дерево за деревом, а оно молчит, таится, а

иногда так сразу и открывается тебе навстречу; перед тем, как оно будет слушать тебя, нужно выслушать и его...

– Это язычество какое-то, – заметила Лизавета.

– Может быть, – не стал спорить мастер дуплостроения, – только сдается мне, что все хорошо, что помогает душу хранить... Разве не так?..

– Наверное... – не была в этом сильна отважная путешественница.

– Так вы будете заказывать дупло? – спросил мастер. – Или обойдетесь?..

Лизавета хотела сказать, что обойдется, но вдруг передумала.

– Нет ли у вас дупла исполнения желаний? – спросила она.

– Есть! Конечно, есть! – откликнулся мастер. – Только на той неделе нашел в лесу такой дуб – вековой, но еще крепкий, звонкий... Любое желание выполнит....

– Прямо-таки любое?

Конечно, если ты не станешь просить летающего крокодила. Хотя, кажется, и крокодила этот дуб сможет достать...

– Теперь будете его сверлить? – спросила Лизавета, и ей стало жалко дуб, тем более если он звонкий. Почему-то ей представилась зубная бормашина, и она даже вздрогнула.

– Не нервничайте, барышня. Я же не дровосек, ничего рубить и сверлить не стану, – успокоил он ее. Мы используем только то, что дает нам природа. В любом дереве есть заметные и незаметные полости, пустоты, и нужно только найти их, распознать; иногда они прикрыты корой, часто просто не видны. Наша задача открыть дупло, вычистить его, определить, к чему оно склонно – выслушивать исповеди или тайны, или дарить надежду тем, кто в ней нуждается... Так что ничего не сверлим, ничего не пилим, птичьих гнезд не разоряем. Но бывает, что птицы сами покидают некоторые дупла, будто понимая их иное предназначение...

– Ладно, ладно, показывайте дорогу, – согласилась Лизавета.

– Езжайте за мной! – сказал он девочке и оседлал велосипед времен Фридриха Барбароссы. – Наш Бузулукский бор давно славится заповедными местечками.

И он помчался с огромной скоростью (а еще пожилой человек!), только полы его просторного брезентового плаща хлопали, как и положено парусам. Лизавета не отставала от него, моторчик коляски трещал, как пулемет.

Час, другой, третий неслись они по дорогам, дорожкам и тропинкам, изредка останавливались для того, чтобы мастер устройства дупел мог свериться с компасом.

– Далеко еще? – спрашивала Лизавета.

– Путь не близкий, – отвечал он.

Города и села попадались на их пути, они не останавливались, только махали руками в ответ на приветствия местного населения. Наконец сделали привал на крутом берегу быстрой речки.

– Мои родные места, – сказал мастер дупел. – Люблю степи, леса, приволье...

– Так кто же не любит приволье? – удивилась девочка. Он только рукой махнул.

– А почему же бор оказался так далеко от Бузулука? – спросила Лизавета. – Мне казалось, что он должен быть совсем близко...

– Так мы его давным-давно проехали, – сказал мастер. – К другому лесу путь держим...

– А почему к другому? Чем плох Бузулукский бор?

– Он хорош, очень хорош, но тогда нам с тобой пришлось бы расстаться еще три часа назад... А у меня с детства мечта – путешествовать по земле куда глаза глядят. Просыпаться в палатке, прислушиваясь к дождю, барабаниющему в брезент, разжигать последней спичкой костер, пить чай из прокопченной алюминиевой кружки, ощущать под днищем байдарки перекрученные струи близкого переката... Возьми меня с собой, а?.. Я не буду в тягость...

– Вообще-то я еду не куда глаза глядят, я ищу один остров... заповедную счастливую землю, – сказала Лизавета. – Искать ее никому не заказано, давайте будем искать вместе... А как же с дуплом, исполняющим желания?

– Вообще-то все леса для нас годятся... Дупло это обязательно найдем... Но прошу заметить, что оно только выслушивает желания, а уж исполнит или не исполнит их – этого никто не знает...

– Пусть так! – легко согласилась Лизавета, обрадованная появлением попутчика.

Они тронулись в путь, переехали через мост, и тут же на них надвинулся вечерний лес, встал стеной вдоль дороги. Они свернули на почти неприметную тропинку, справа мелькнул какой-то обелиск, на котором угольком кто-то вывел: «Дурак, буду ждать тебя вечером в 8 часов у „Летнего“, обязательно приходи!», затем показался пологий берег небольшой речушки с дощатыми мостками, и они выехали на небольшую поляну, вокруг которой поднимались столетние дубы – внизу у земли черные, а сверху окрашенные закатом.

– Мне кажется знакомым этот пейзаж, – сказала Ли завета.

– Все пейзажи в чем-то повторяются, – ответил ее спутник. – Даже если на одном голая степь, а на другом не проходима чаща – в них есть что-то общее...

Что? – спросила девочка.

– Ну, например, воздух, солнце, ветер... Согласись, что на портретах редко увидишь ветер...

– Как вас зовут? – спросила она.

– Извини, что не сразу представился – Аристарх... без отчества...

– Аристарх, будем сейчас дупло искать, или завтра с утра начнем?..

– А чего его искать, мы неподалеку от нужного нам дерева – я чувствую это...

«Да, – подумала Лизавета, – это самый точный прибор, врученный нам природой, – чувства. Кажется, он ошибается ничуть не чаще всяких вольтметров, манометров, гетеродинов и детекторов... Ой, а что такое гетеродин?»

Аристарх из бездонных карманов необъятного плаща достал деревянный молоток – киянку, стетоскоп, принялся обходить дубы, постукивая по стволам, затем прикладывая к ним конец трубки. Наконец он закончил свой осмотр и, кажется, остался доволен.

– Здешние дубы все оказались пригодными для нас, но особенно вон тот – с краю, кряжистый, разлапистый, – сказал он. – Тоны у него самые яркие...

– Стоны? – переспросила Лизавета.

– Именно тоны, – поправил ее Аристарх. – Как тоны сердца, как тоны музыки...

– Ну, если тоны сердца, то успех нам гарантирован, – Лизавета все-таки не очень верила в это лесное ведовство, но ей очень хотелось, чтобы все, что она готова попросить, – сбылось.

– Я подготовил дупло, оно совсем низко, – сказал Аристарх. – Я помогу тебе подобраться к нему, а потом уйду... Оставлю вас наедине...

Так он и сделал, подкатил коляску, подложил под колеса толстые сучья. Из дупла почему-то пахло земляникой и свежескошенным сеном. Может, потому, что Лизавета с самого детства любила эти запахи, и еще запах печеной на костре картошки. Она обняла ствол, поднесла губы к дуплу, шепнула:

– Это я...

– Это я... – откликнулось дерево.

– Царь леса, царь деревьев и цветов, родников и ручьев, полян и опушек, помоги мне!..

– Царь... – сказала дупло.

– Укажи дорогу на заповедный Остров! Открой секрет! Помоги найти счастливую страну!.. Страну, где все здоровы, где все любят и всех любят... Разве нет такой страны?..

– ...нет такой страны? – аукнулось из дупла.

Лизавета прижалась всем телом к дубу, просила всерьез:

– Я не боюсь того, который всегда за спиной, но я боюсь не найти Остров... А мне очень нужно, очень!.. Говорят, там все устроено правильно и больше трех гроз за лето не бывает; мне снилось, что там можно время повернуть назад, а мои сны часто сбываются... Помоги, царь леса!.. Не молчи!.. Скажи хотя бы слово, хотя бы «нет»... Но лучше «да»!..

Да!.. – ответил старый дуб.

Слезы навернулись на глаза отважной девушки. За время скитаний она вытянулась, похорошела, повзрослела – да, да, настоящая девушка, прелестная барышня. Она хотела поблагодарить царя леса, но не смогла произнести ни слова, потому что в это мгновение увидела, что в середине уже совсем темного леса разгорается странная заря. Пульсирующий свет исходил из кого-то предмета, напоминающего огромное яйцо, – Лизавета отчетливо видела его, но также видела и какую-то встревоженную девушку, смело пробирающуюся по ночному лесу, и большой каменный дом на самой опушке леса, а за ним реку, быстро бегущую в море, а в море старую шхуну, и шкипера со странной наколкой на руке...

Свет усилился, и стенки гигантского яйца стали почти прозрачными, и Лизавета заметила, что внутри его стоит совершенно голый человек. Она оглянулась: видит ли это Аристарх, но тот отрешенно смотрел в противоположную сторону. Лизавета заметила, что и далекая девушка тоже не видела этого пульсирующего свечения. Она хотела крикнуть им: «Смотрите, смотрите, какое чудо!», но вдруг светящееся яйцо вспыхнуло, как молния, и молния эта словно огненная спица пронзила черные небеса и исчезла. Лизавета смотрела во все глаза, вдруг оно появится опять, но оно не появилось. Как не было его. Она по-прежнему видела девочку в лесу, море и шкипера, а прозрачного яйца не было. Странно... «Наверное, кто-то отправился в дальний космос, – подумала она, – счастливого пути!»

Глава девятая

Над землей и луной

*Шла машина темным лесом
За каким-то интересом,
Ийти-итти – интерес,
Выбирай на букву «С»,
А на буквке звезда
Отправляет поезда,
Если поезд не придет,
Машинист с ума сойдет.*

Мотор работал как часы, внизу проплывали квадраты полей, ленты рек, зеленые пятна лесов – вся географическая геометрия или геометрическая география земли. Первый пилот, в кожаных перчатках, кожаном шлемофоне, с маузером на боку, держал штурвал – с виду совсем не крепко. Но в его взгляде читалась непреклонная воля, решительность – он легко мог посадить свою мощную машину в степи, на опушке леса, а если понадобится – на вершине горы. Если понадобится. Второй пилот что-то сосредоточенно слушал в наушники, иногда коротко отвечал: «Есть! Так точно! Никак нет!» Штурман, молодой и неулыбчивый, как вся его профессия, время от времени заглядывал в карту, снимал показания приборов, заносил их в толстенный журнал. Ничего не укрывалось от его внимательного взгляда – и высота полета, и курс, и скорость.

И чем легче пилот держал штурвал, чем отрывистее отвечал в микрофон второй пилот, чем строже становился взгляд штурмана, тем яснее становилось Игнату, что экипаж понятия не имеет, куда держать путь. Ну ладно бы в самом начале полета – в самом начале многие не знают, куда двигаться, а ведь летят они уже не первый день. И, кажись, не первый год. А куда?..

Харитон Харитонович зарос бородой, только фыркал, когда пилоты и штурман по утрам мылили-скоблили щеки.

– Негоже казаку быть с голым лицом! – говорил он.

– А вы в каком из казачьих войск состоите? – спрашивал первый пилот. – В Яицком, может быть?

Вопрос, думал пилот, был с подвохом: давным-давно не было никакого Яицкого войска, да и Уральское почти перевелось. Но Харитон Харитонович был начеку.

– В каком надо, в таком и состою! – ответил он с достоинством. – В Хлебном, Яблочном, Ежевичном!.. Есаул Ежевичного войска, позвольте представиться!..

Но, в общем, жили дружно, установили дежурство – мыть полы, чистить картошку, открывать банки с тушенкой. Штурман был большой мастер по части шашлыков, они получались у него ароматными, сочными – за уши не оттащишь – и иногда по вечерам он доставал мангал, шампуры; ему в меру сил помогали все, даже первый пилот, доверявший время от времени самолет автопилоту. Ну и второй пилот в таких случаях был начеку, снимал на полчаса свои наушники.

У штурмана, конечно, был свой шашлычный секрет, дело было в маринаде, специях, но подробностей он не раскрывал. Да никто на этом и не настаивал.

Под шашлык шло красное вино, но в меру. Игнат первое время не пил вообще, плевался, чего в нем хорошего – кислятина, с вишневым вареньем не сравнится? – но когда подрос, плеваться перестал.

Время от времени первый пилот затягивал песню:

– Первым делом, первым делом самолеты...

Харитон Харитонович с удовольствием подпевал:

– Обнимаю небо...

Игнат удивлялся:

– Это ведь разные песни!

– Ну и что? – невозмутимо отвечал бывший истребитель, есаул Ежевичного войска. – Когда у человека душа поет, для него не имеют значение ни слова, ни мелодия... Главное в песне душа – согласен?

– Согласен! – отвечал Игнат, который время от времени доставал письмо счастья: как же он сумеет понять, что настал момент исполнения желаний и пора уже доставать из кармана карандаш и разборчиво писать: «Хочу...» Или наоборот: «Ни за какие коврижки не хочу...». Бочаров намекал, что он поймет, когда нужно браться за желания, но скоро ли это случится?

Но иногда экипажу и пассажирам приходилось вступать в настоящие сражения. От воронья отбиваться было легко – несколько выстрелов из маузера, и черные, истошно вопящие птицы рассыпались во все стороны. Второй пилот еще на часок снял наушники, постучал молотком, повизжал электропилотом и собрал трещотку, которая строчила, как пулемет. Теперь при налете воронья второй пилот открывал дверь самолета, предварительно пристегнувшись ремнем к металлической стойке, и открывал трещеточную палубу – бескровную, но очень эффективную – вороны стремительно уносились прочь.

– Почему они нападают на нас? – силился понять Игнат. – Может, наши пути пересекаются? Может, мы просто мешаем друг другу, и проблема сама собой решится, если поменять немного высоту полета или изменить курс – совсем чуть-чуть?..

– А если дело в том, что этих дурных воронов кто-то натравливает на нас? – спросил Харитон Харитонович?

– Кто? Зачем?..

– У меня на счету сто восемьдесят семь боевых вылетов, тридцать сбитых самолетов противника, – сказал ежевичный есаул, – но никогда мне не приходилось воевать с птицами... Боюсь, что главные сражения впереди...

И он как в воду глядел. Как-то под вечер показалось на горизонте небольшое белое облачко. Облачко совершенно обычное, за эти годы Игнат насмотрелся на них от души. И не сразу он заметил, что все остальные облака плывут по ветру, как и положено им природой, а это против ветра. Но точно наперерез самолету.

– Харитон Харитонович! – позвал он истребителя.

– Вижу! – откликнулся тот. – Наблюдаю гигантскую стаю пеликанов, курс встречный! Если попадем в этот крылатый водоворот, то мало не покажется никому!

И вдруг кто-то в самолете коротко рассмеялся. Путешественники переглянулись недоуменно: кому же так весело в эту минуту? Все были серьезны. «Послышалось!», – решили все.

– Всем пристегнуть ремни, набираем высоту! – скомандовал первый пилот. – Будьте готовы к тому, чтобы надеть кислородные маски. Экипажу приготовить оружие!

Клацнули затворы маузеров, а второй пилот вытащил откуда-то связку гранат, судя по всему – противотанковых.

– Гранаты отставить! – сказал Харитон Харитонович.

– Здесь командует первый пилот, он же командир экипажа, – сказал второй пилот. – А вы гражданское лицо.

– Это я – гражданское лицо? – закричал бывший истребитель, герой воздушных боев. – Я бился с врагами и побеждал прославленных асов, когда ты еще путал самолеты с воздушными змеями!

– Я – путал?..

– Ты Пе-2 не отличишь от МиГ-21...

– Я – не отличу? – второй пилот от возмущения потерял дар речи.

Командир вынужден был вмешаться.

– Отставить базар! – подал он неуставную команду. – А заодно отставить и гранаты, если не хотите, чтобы нас всех разорвало в клочья.

Конфликт был как будто исчерпан, второй пилот спрятал гранаты.

Самолет резко принялся набирать высоту, задирая нос, содрогаясь от напряжения. Натужно ревели двигатели, белое пеликанье облако приближалось, уже видны были во главе стаи крупные птицы, похожие на гидросамолеты, вожаки.

– Вы знаете, что пеликан достигает нередко пятнадцатикилограммового веса, а размах крыльев у него более трех метров? Просто пикирующий бомбардировщик, и столкновение с ним может окончиться для нас плачевно! – закричал командир. – Думаю, вам интересно будет узнать, что в некоторых европейских странах пеликан является символом жертвенности, а также и стайности, так что не удивительно, что они атакуют нас. Как будто их кто-то специально организовал... Не много ли совпадений?

Он скомандовал:

– Огонь!

И добавил:

– Прицельно по вожакам!

И тут же загремели выстрелы. Было видно, как головные птицы стаи, словно наткнувшись на невидимую стену, полетели к земле, кувыряясь, теряя перья, но это никак не подействовало на всю бесчисленную стаю – она упрямо шла на сближение с самолетом.

– Огонь! Огонь! – опять и опять командовал командир, и все новые пеликаны валились с высоты, похожие на растрепанные подушки, но оставшиеся курс не меняли.

– Попробуем уклониться! – сказал командир и положил самолет на правое крыло.

Двигатели были готовы захлебнуться от натуги.

– Смотрите, смотрите, они тоже поворачивают! – закричал Харитон Харитонович и показал рукой на стаю, которая явно свернула с прежнего маршрута.

– Что я вам говорил! – почти радостно закричал первый пилот. – Они преследуют нас!.. И, думаю, не они сами это придумали! Ох, и посчитаюсь я с этим наводчиком, попадетсЯ он мне!..

В самолете опять прозвучал язвительный смешок.

– Да! – закричал командир. – ПопадетсЯ! Обязательно попадетсЯ!..

– А ведь птички эти постепенно начали отставать, – заметил Харитон Харитонович, – и по высоте сдают, и по скорости...

– Радоваться пока рано, – сказал командир, – в стае есть бакланы, скорость которых выше, чем у пеликанов, и они, вижу, группируются в отдельный отряд. Поразительно!

– Это просто засадный полк, – сказал Игнат. – Видать, сильно мы кому-то насолили!

Бакланы оторвались от стаи и пошли к самолету, как на рысях. Никто, наверное, до этой поры не видел такой погони!

Самолет забирался все выше и выше, но и бакланы не отставали. Воздушные странники облачились в кислородные маски.

И тут, как всегда бывает с искателями приключений, кончились патроны, пальба стихла. В то же мгновение самолет потряс мощный удар – слева в фюзеляж врезался баклан, за ним второй. Но, скорее всего, это были небольшие птицы, вырвавшиеся вперед, да и ударились они в летательный аппарат не на встречном курсе, а как бы вскользь. Самолет подбросило, как на взрывной волне, и он еще больше задрал нос и, дрожа всем корпусом, стал карабкаться еще выше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.